

Мы и право
Научно-практический журнал
Издается с декабря 2008 года

Учредитель: Волгоградское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Главный редактор: В. А. Юсупов, доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Дерюгина Т. В., декан юридического факультета НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права», доктор юридических наук, профессор, член Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;

Клейн В. Р., руководитель Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области – главный государственный регистратор Волгоградской области, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса, заслуженный юрист Российской Федерации;

Летяев В. А., заместитель директора Института истории КФУ по научной работе ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор юридических наук, профессор;

Маликов Е. Ю., председатель Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», член Общественной палаты Волгоградской области, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права»;

Филиппов П. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Ответственный редактор: М. О. Каррыев.

За содержание и достоверность материалов статей редакция ответственности не несет.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес учредителя: 400001 г. Волгоград, ул. Профсоюзная, 15а.

Адрес редакции: 400011 г. Волгоград, проспект Университетский, 64,

Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.

Тел.: (8442) 46-68-42.

E-mail: izdviesp@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 34-00001 от 4 сентября 2008 года.

А. Ю. Белоножкин

К ВОПРОСУ О КРИТИКЕ АБСОЛЮТНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Большое распространение получило разделение гражданских правоотношений на относительные и абсолютные¹. Эта классификация обусловлена тем, насколько точно можно определить всех субъектов гражданского правоотношения. Относительными именуется правоотношения, в которых все участники точно определены. Так, в договорных отношениях всегда точно известны их стороны (продавец и покупатель, подрядчик и заказчик, арендодатель и арендатор и т. д.). Абсолютными принято называть гражданские правоотношения, в которых точно известна лишь одна сторона, имеющая субъективное право или юридическую обязанность. Этому лицу противостоит неопределенное число лиц, обязанных воздерживаться от нарушения абсолютного права. В советской юридической литературе отмечалось, что в роли обязанного субъекта в абсолютном правоотношении выступают не «все лица, где бы они ни проживали», а «всякий и каждый, находящийся в пределах юридической досягаемости с управомоченным лицом»².

В 1929 году В. К. Райхер сравнил относительные и абсолютные правоотношения следующим образом: междулюдская связь, образующая существо всякого правоотношения, устанавливается либо по типу прямых проводов, протянутых между определенными точками пространства, либо по типу «беспроволочной» связи, соединяющей данную точку пространства с абсолютно-неопределенным числом всех «прочих» точек. В первом случае (относительные правоотношения) правовая энергия струится лишь по данному проводу, хотя и рассеивается вместе с тем в окружающем пространстве (косвенное, отраженное действие по ад-

¹ См.: Братусь С. Н., Иоффе О. С. Гражданское право: учебное пособие. – М., 1967. – С. 41; Советское гражданское право / под ред. Я. А. Куника. – М., 1974. – С. 25; Советское гражданское право / под ред. И. Б. Новицкого. – М., 1959. – С. 31; Советское гражданское право / под ред. В. А. Рясенцева, Н. П. Волошина. – М., 1987. – С. 37, 38; Советское гражданское право: часть первая / под ред. В. Ф. Маслова, А. А. Пушкина. – Киев, 1983. – С. 93; Советское гражданское право / под ред. О. Н. Садикова. – М., 1983. – С. 32, 33.

² Советское гражданское право: часть первая / под ред. В. Ф. Маслова, А. А. Пушкина. – Киев, 1983. – С. 92, 93.

ресу третьих лиц). Во втором случае (абсолютные правоотношения) право излучает энергию из одной точки волнообразно, непосредственно во все стороны социальной среды¹.

Концепция В. К. Райхера получила развитие в трудах многих советских ученых. Так, М. М. Агарков признал, что в абсолютных правоотношениях праву активного субъекта (например, собственника) соответствует обязанность неопределенного множества пассивных субъектов (всякого и каждого) воздерживаться от определенных действий². О. С. Иоффе указал, что юридические отношения собственности, опосредствующие собственность как экономическую категорию лишь частично, являются, таким образом, правоотношениями абсолютного характера, поскольку они обладают двумя признаками, присущими абсолютным правам вообще: собственнику как управомоченному в качестве обязанных противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция – функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов собственника³.

На основе указанной концепции Н. Г. Александров построил концепцию эвентуальных отношений⁴. Ю. К. Толстой также отстаивает конструкцию абсолютных правоотношений⁵. С. С. Алексеев, наряду с абсолютными правоотношениями, также выделяет общие (общерегулятивные) отношения, в которых, по его мнению, обе стороны лишены конкретности и определенности, а субъектами права и обязанности являются в принципе все субъекты⁶.

В современной юридической, в том числе учебной, литературе по гражданскому праву также имеются сторонники выделения абсолютных правоотношений. Так, Н. Д. Егоров указывает, что в абсолютных правоотношениях управомоченному лицу противостоит неопределенное число обязанных лиц и право управомоченного лица в абсолютном правоотношении может быть нарушено любым лицом. А. П. Сергеев, доказывая обоснованность выделения абсолютных правоотношений, пишет, что обязанность, лежащая на всех третьих лицах, существует лишь постольку, поскольку конкретному лицу принадлежит субъективное гражданское право⁷.

Н. Ю. Мурзина указывает, что право без правоотношения существовать не может, иначе оно не будет являться правом, то есть в таком случае не возникнет обязанностей других лиц воздерживаться от его нарушения. Опираясь на этот вывод, Л. А. Чеговадзе также пишет, что не бывает прав и обязанностей вне правоотношения⁸. Однако каких-либо аргументов в обоснование данного вывода этот автор не приводит.

В. А. Белов выделяет абсолютные и относительные гражданско-правовые формы и к числу первых относит абсолютные правоотношения, примером которых традиционно называет правоотношение собственности⁹. Справедливости ради надо отметить, что ранее данный автор совместно с А. Б. Бабаевым высказывал сомнения в необходимости конструиро-

¹ Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) в особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 199–200.

² Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 196.

³ Иоффе О. С. Гражданское правоотношение // Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – С. 618.

⁴ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. – М., 1955. – С. 113.

⁵ Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л., 1959. – С. 36.

⁶ Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Т. 1. – Свердловск, 1972. – С. 272–274; Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – С. 346–350.

⁷ Гражданское право: в 2 т. Т. 1: учебник. – Издание 5-е, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. – С. 90; Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – С. 128.

⁸ Мурзина Н. Ю. К вопросу о понятии субъективного права собственности // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. – М.: Статут, 2001. – С. 343; Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут, 2004. – С. 54.

⁹ Белов В. А. Гражданское право: общая часть: в 2 т. Т. 1; Введение в гражданское право: учебник / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2011. – С. 323, 418.

вания абсолютных правоотношений – «...ведь их субъекты, остающиеся в рамках своего права, чужой правовой сферы объективно не тронут»¹. По их мнению, конструкция абсолютных правоотношений имеет смысл лишь в качестве антипода относительных правоотношений, но сама по себе никакой познавательной функции не выполняет².

Другие ученые считают конструкцию абсолютных, эвентуальных и общих (общерегулятивных) правоотношений искусственной. С. И. Аскназий одним из первых указал, что право собственности не является элементом правоотношения до нарушения права собственности³.

В продолжение этой мысли Д. М. Генкин утверждает, что не может быть правоотношений с неопределенным составом обязанных лиц. Всеобщая обязанность устанавливается непосредственно законом, нормой права, а не является элементом бесконечного числа правоотношений с неопределенным числом лиц. По его мнению, субъективное право может существовать и вне правоотношения, не являясь его элементом. Таковыми являются все субъективные абсолютные права, которым соответствует пассивная обязанность всех других лиц, установленная непосредственно всеобщей запретительной нормой закона⁴.

Более четко указанная позиция выражена Л. С. Явичем. Данный ученый отметил, что есть целые группы юридических норм, которые осуществляются, как правило, вне и помимо конкретных правоотношений. Это, прежде всего, юридические нормы, устанавливающие запреты. Такие нормы обуславливают возникновение конкретных правоотношений лишь в случаях нарушения прав или спора о праве. Как личные, так и абсолютные права не являются элементами конкретных правоотношений до тех пор, пока нет нарушения или не возникает угроза их нарушения⁵. Структура правоотношений (связь между конкретными носителями прав и обязанностей) такова, что исключает возможность существования правовых отношений с неопределенным составом управомоченных и обязанных участников. Если употреблять традиционный термин, то любое правоотношение является относительным⁶.

С. Н. Братусь, придерживаясь аналогичной точки зрения, указывает, что закон непосредственно определяет содержание правомочий всех собственников, и обязанность всех членов общества – воздерживаться от посягательств на чужие вещи. Для возникновения всеобщей пассивной обязанности (воздержания от действий) не требуется правоотношения. Это обязанность по отношению ко всем членам общества, а не по отношению к данному конкретному собственнику. Право собственности как субъективное право существует вне правоотношения. Правоотношение всегда конкретно, оно предполагает конкретных лиц – активную и пассивную стороны; неопределенное множество лиц (все члены общества) не состоит в правоотношениях с собственником. Такое правоотношение возникает лишь при нарушении правомочий собственника⁷.

В. Д. Сорокин пишет: «Любое правоотношение следует рассматривать как регулируемое нормами права конкретное взаимодействие между точно обозначенными субъектами, носителями правомочий и обязанностей»⁸.

Указанную правовую позицию также отстаивает Ю. И. Гревцов. Данный автор, ссылаясь на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, считает, что общественное отношение не может

¹ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 256.

² Там же. – С. 258.

³ Аскназий С. И. Теоретические проблемы гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1947. – С. 713.

⁴ Генкин Д. М. Право собственности в СССР. – М.: Изд-во Юридической литературы, 1961. – С. 35, 39.

⁵ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 109, 110, 112, 113, 115.

⁶ Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – С. 217. Аналогичную точку зрения высказывает В. А. Лапач (см.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 106).

⁷ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – М., 1963. – С. 189.

⁸ Сорокин В. Д. О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. – 1972. – № 6. – С. 78.

быть односубъектным или даже вообще не предполагать конкретных субъектов (так называемые абсолютные и общерегулятивные правовые отношения). Абсолютные права, как и всеобщие обязанности, вытекают непосредственно из закона, и оказывается возможным их определенное движение вне и помимо конкретных (относительных) правовых отношений¹. По мнению ученого, если принять концепцию общерегулятивных правоотношений, то отпадает надобность в понятии правового статуса личности, оно поглощается общерегулятивным правоотношением, с чем согласиться нельзя².

К сторонникам этой правовой позиции обычно относят С. Ф. Кечекьяна, который сформулировал положение о том, что нормы права могут в отдельных случаях устанавливать одни лишь обязанности. Однако этот же автор сделал значимую оговорку применительно к гражданскому праву и некоторым другим отраслям права: всякая обязанность существует ради чьего-либо права³. Из этого следует, что в рамках гражданского права С. Ф. Кечекьян не допускает существование одних лишь обязанностей без корреспондирующих им гражданских прав. Можно предположить, что ученый ставит под сомнение существование прав и обязанностей вне гражданского правоотношения.

Н. И. Матузов считает, что ни одну из этих точек зрения не следовало бы отвергать как целиком неправильную и неприемлемую: каждая из них содержит в себе долю истины. Но вместе с тем обе страдают известными крайностями, категоричностью утверждений, исходят из принципа: или – или⁴. По его мнению, «...если нельзя всякое право гражданина рассматривать во что бы то ни стало в рамках “конкретного” правоотношения, то, с другой стороны, не следует впадать и в другую крайность – не укладывающиеся в эту традиционную схему права отрывать от всяких правовых связей, выносить за пределы каких бы то ни было юридических отношений, так как, помимо “конкретных” правоотношений, существуют и другие, более общие правоотношения, обладающие рядом существенных особенностей по сравнению с первыми, в рамках которых и находятся эти права»⁵. Данный автор указывает, что понимание правоотношений только как строго конкретной, «индивидуализированной» связи между лицами является сугубо цивилистической их трактовкой. Общая теория права должна преодолеть этот узкий подход, подняться выше и взглянуть на правоотношения в более широком плане⁶.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в рамках гражданского права конструкция абсолютных, эвентуальных и общих (общерегулятивных) правоотношений является искусственной. К изложенным в доктрине аргументам можно добавить некоторые доводы практического свойства. По нашему мнению, об искусственности абсолютного правоотношения свидетельствует правоприменительная деятельность. Рассматривая спор по гражданскому делу, суд должен установить, каковы правоотношения сторон (ч. 1 ст. 196 ГПК РФ), а арбитражный суд устанавливает права и обязанности лиц, участвующих в деле (ч. 1 ст. 168 АПК РФ). Очевидно, что речь идет о конкретных участниках спора. Поэтому любое гражданское правоотношение должно обладать определенным субъектным составом.

Разделение гражданских правоотношений на относительные и абсолютные не представляет серьезной практической ценности. Для суда, рассматривающего конкретный спор, неважно, в каких правоотношениях были участники спора – абсолютных или относительных, так как этот вопрос не может повлиять на правильное разрешение спора, тем более если учесть, что спор возникает между конкретными лицами, места абсолютным правоотношениям не остается.

¹ Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – С. 30–31, 62.

² Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 78.

³ Кечекьян С. Ф. Норма права и правоотношение // Советское государство и право. – 1956. – № 2. – С. 24; Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 65, 63.

⁴ Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. – Саратов, 1966. – С. 51.

⁵ Там же. – С. 54.

⁶ Там же. – С. 59.

Наверное, не случайно гражданское процессуальное законодательство также содержит нормы об особом производстве (подраздел IV раздела II ГПК РФ, глава 27 АПК РФ), в рамках которого происходит констатация наличия того или иного субъективного гражданского права, которое находится вне какого-либо гражданского правоотношения.

Следует также учитывать, что даже самим участникам гражданского оборота, в том числе сторонам гражданско-правового спора, не важно, как будет называться правоотношение, в котором они состоят – относительным или абсолютным. Участники гражданского оборота заинтересованы лишь в том, чтобы в рамках имеющегося правоотношения надлежащим образом реализовывались гражданские права, интересы и обязанности.

В юридической литературе высказывается точка зрения о том, что до тех пор пока субъект не может быть полностью изолирован от общества, любое его более или менее значимое поведение будет приводить к определенным общественным взаимодействиям (или хотя бы к потенциальной возможности таковых). В свою очередь, правовое регулирование таких взаимодействий неизбежно создаст на их основе идеальную конструкцию правоотношений, в которой субъективное право и субъективная обязанность выступают взаимными уравновешивающими силами. Следовательно, реализация субъективного права вне правоотношения мыслима только в том случае, если она будет протекать вне всяких межсубъектных взаимодействий, т. е. вне общества (однако в таком случае отпадет надобность и в самой категории субъективного права)¹.

По нашему мнению, субъекты гражданского права, будучи наделенными правовым статусом, имеют гражданские права, обязанности и интересы вне зависимости от, того, вступили они во взаимодействие с другими лицами или нет. Например, лицо может длительное время ни с кем не общаясь, создавать какое-либо литературное произведение. В этом случае оно приобретет право авторства на это произведение. Когда понадобится это право реализовать, собственник может вступить в соответствующее гражданское правоотношение, взаимодействуя с другими лицами.

Левченко О. С. предлагает признавать уравновешивающей силой в относительном правоотношении обязанность, а в абсолютном правоотношении – запрет². Думается, такое уточнение не снимает имеющихся противоречий при использовании понятия «абсолютное правоотношение», так как не опровергает главного тезиса о том, что любое гражданское правоотношение – это взаимодействие конкретных, а не потенциальных субъектов гражданского права. Если мы говорим о том, что субъекту гражданского права запрещено то или иное поведение, это еще не свидетельствует о том, что он является субъектом гражданского правоотношения. Такой субъект наделен гражданско-правовой обязанностью. Чтобы ему стать не просто носителем этой обязанности, но еще и субъектом гражданского правоотношения, нужно, чтобы были совершены юридически значимые действия (правомерные или неправомерные), в результате которых указанной обязанности корреспондировало бы субъективное гражданское право.

Кроме этого, мы считаем, что в понятии «абсолютное правоотношение» заложено логическое противоречие. Термином «абсолютное» могут описываться явления постоянные и неизменные. Понятие же «правоотношение», напротив, описывает явления временные, зависящие от тех или иных условий и обстоятельств и, следовательно, изменчивые. Правоотношения не могут быть постоянными и неизменными, так как им характерна динамика.

Итак, любое гражданское правоотношение – это взаимодействие конкретных двух и более лиц, чего нельзя сказать об обладателе абсолютного права, которому не всегда противостоит конкретный субъект. Субъект, обладающий абсолютным правом, всегда является субъектом гражданского права. Для того чтобы субъект гражданского права стал участником гражданского правоотношения, ему необходимо вступить в такое взаимодействие с другими лицами, которое будет иметь правовые последствия.

¹ Левченко О. С. К вопросу о делении гражданских правоотношений на относительные и абсолютные // Адвокат. – 2008. – № 8.

² Там же.

Гражданское правоотношение с участием обладателя абсолютного права может возникнуть как в случае правомерного поведения, так и в случае неправомерного поведения, причем как со стороны обладателя абсолютного права, так и со стороны других лиц. Например, собственник имущества может заключить с каким-либо лицом договор аренды данного имущества. Тем самым между указанными лицами будут установлены арендные правоотношения. В отсутствие договорных отношений собственник имущества может столкнуться с нарушением его гражданских прав и интересов или же собственник имущества может посредством своего абсолютного права нарушить гражданские права и интересы других лиц. В этом случае между соответствующими субъектами могут возникнуть правоотношения из причинения вреда, в рамках которого причинитель вреда принимает на себя обязанность по устранению нарушений гражданских прав и интересов и восстановлению правового положения, существовавшего до нарушения права.

Таким образом, обладатель абсолютного гражданского права только тогда станет участником гражданского правоотношения, когда совершит сделку, обусловленную наличием у него абсолютного гражданского права, либо когда его гражданские права и интересы будут нарушены другими лицами или когда он сам нарушит гражданские права и интересы других лиц. До тех пор пока субъект гражданского права ни с кем не взаимодействует, то есть не находится в отношениях, он не может быть участником гражданского правоотношения. Такое правоотношение просто не с кем будет устанавливать.

НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современной отечественной науке вопросы правовой политики уже нашли отражение в исследованиях как специалистов в области теории права, так и представителей отраслевых наук¹. Существующие в теории права дефиниции отражают три подхода к пониманию сущности правовой политики, которая определяется: как комплекс целей, мер, задач, программ, установок; как явление; как деятельность различных субъектов права².

В литературе под правовой политикой понимают научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности³.

Проведение эффективной правовой политики на современном этапе развития российского общества является одним из определяющих факторов его дальнейшего демократического реформирования, укрепления в России институтов правового государства, обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина⁴.

Правовая политика может быть разной по содержанию, «предметному полю», на которое она направлена: конституционно-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой и т. д. При этом наиболее важная роль отведена конституционно-правовой политике.

Конституционно-правовая политика направлена на реализацию прав и свобод личности на основе реализации Конституции и соблюдения общепризнанных принципов, норм международного права и международных договоров Российской Федерации; на создание условий признания, соблюдения и защиты прав человека и гражданина⁵.

А. В. Малько определяет конституционную политику как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур по созданию эффективного механизма конституционно-правового регулирования, по оптимизации конституционного развития конкретной страны⁶. По его мнению, конституционная политика ориентирует общество и соответствующие органы государства и местного самоуправления на решение актуальных проблем – на защиту прав и законных интересов субъектов, прогрессивно-юридическое развитие той или иной страны и оптимизацию ее конституционно-правового регулирования. Сущность конституционно-правовой политики во многом

¹См.: Мазуренко А. П. Правотворческая политика в Российской Федерации: проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1 (34). – С. 28.

²См.: Рыбаков О. Ю., Юрьева Ю. С. Правовая политика: сущность, основные черты // Вестник СГАП. – 2009. – № 6 (70). – С. 16.

³См.: Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов; изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 26.

⁴ Там же. – С. 207.

⁵См.: Витрук Н. В. Общая теория положения личности. – М., 2008.

⁶См.: Правовая политика: словарь и проект. – С. 108.

состоит в содействии обеспечения на своем уровне и своими средствами прав и свобод личности, поддержании баланса между областью государственно-политических отношений и сферой гражданского общества¹.

В юридической науке встречается термин «правовая политика» в сфере прав ребенка. «Правовая политика в области прав детей – это научно обоснованная, нормативно закрепленная и последовательно осуществляемая деятельность государственных и муниципальных органов власти по созданию эффективного механизма правового регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией и защитой прав детей и детства»². При этом вопросы защиты прав и интересов детей решаются на нескольких уровнях: законодательном, программном, управленческом, исполнительском и просветительском.

Согласно ст. 7 ч. 2 Конституции РФ «В Российской Федерации...обеспечивается государственная поддержка...детства» – каждый ребенок вправе рассчитывать на достойный жизненный уровень, и достижение этой цели – одна из главнейших задач нашего государства. Поэтому вполне обоснованным, на наш взгляд, является выделение в самостоятельный вид правовой политики конституционно-правовую политику в области реализации прав и свобод ребенка, которую предлагается рассматривать как последовательную и системную деятельность государства, осуществляемую в интересах детей, направленную на создание и обеспечение условий для успешной реализации конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации, основанную на принципах соответствия международным стандартам прав человека, приоритета прав, свобод и интересов ребенка.

Нормативный компонент конституционно-правовой политики в области реализации прав и свобод ребенка может быть представлен законодательным закреплением основополагающих начал правового регулирования конституционных прав и свобод ребенка. Это «...своеобразная “юридизация” правовой политики, ее становление в качестве законодательно установленной, легальной государственно-правовой стратегии»³.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. На это указывается в ст. 6 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно которой ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, Семейным кодексом Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации⁴.

Поэтому каждый ребенок нашего государства должен рассматриваться как полноправный член общества, обладающий всем комплексом конституционных прав и свобод человека и гражданина, с той лишь разницей, что некоторые из принадлежащих ему прав и свобод они в силу возраста могут реализовать с помощью своих родителей, а при отсутствии родителей – с помощью иных законных представителей и органов опеки и попечительства⁵.

В преамбуле упоминавшегося Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указано, что он устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией РФ, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка. Го-

¹См.: Малько А. В. Конституционная политика как особая разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4.

²Абрамов В. И. Правовая политика современной России в сфере прав ребенка // Современное право. – 2004. – № 11. – С. 28.

³Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Проблемы институционализации правовой политики современного Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 2. – С. 19.

⁴Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

⁵См. Глисков А. Г., Забейворота А. И., Самолук О. В. Права и обязанности несовершеннолетних: комментарии к законодательству о правах несовершеннолетних и защите их прав. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – С. 11.

сударство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности.

Поскольку данный Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в связи с реализацией основных гарантий прав и законных интересов детей, предусмотренных главным образом Конституцией РФ, он вправе выступить одним из базовых документов нормативного компонента конституционно-правовой политики Российской Федерации в области реализации прав и свобод ребенка. В связи с этим он требует более подробного рассмотрения.

Во-первых, Закон определяет ребенка как лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

Во-вторых, он формулирует основные цели государственной политики в интересах детей:

– осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случае нарушений;

– формирование правовых основ гарантий прав ребенка;

– содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с не противоречащими Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству традициями народов Российской Федерации, достижениями российской и мировой культуры.

В-третьих, Закон предусматривает:

– меры по защите прав ребенка при осуществлении деятельности в области его образования и воспитания (подробнее эти вопросы регулируются Законом РФ «Об образовании»¹);

– обеспечение прав детей на охрану здоровья, на отдых и оздоровление (вопросы прав ребенка на здоровье также регулируются Федеральным законом «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ инфекции)»²);

– защиту прав и законных интересов детей в сфере профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и занятости (данные вопросы регулируются также Законом РФ «Об образовании»³, главой 42 «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет» Трудового кодекса РФ⁴);

– защиту прав и законных интересов ребенка при формировании социальной инфраструктуры для детей (также предусматривается Указом Президента РФ «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁵);

– защиту ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию (указанные вопросы регулируются также «Основными законодательствами Российской Федерации о культуре»⁶, Законом РФ «О средствах мас-

¹ Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 150.

² О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ инфекции): Федеральный закон от 3 марта 1995 года № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 14. – Ст. 1212.

³ Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

⁵ Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009.

⁶ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.

совой информации»¹, Федеральным законом «О рекламе»², а также предусматриваются статьями Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³;

– меры по противодействию торговле детьми и эксплуатации детей (ответственность за совершение правонарушений в указанной области предусматривается Уголовным кодексом РФ⁴);

– защиту прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (общие принципы, содержание и меры социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, определены Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»⁵).

В нормативный правовой блок конституционно-правовой политики в области реализации прав и свобод ребенка также следует отнести:

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶, в котором одной из основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетнего устанавливается обеспечение защиты прав и законных интересов ребенка.

2. Семейный кодекс Российской Федерации⁷, нормами которого регулируются: права и обязанности родителей и детей; алиментные обязательства родителей и (или) других родственников по отношению к детям; формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, а также вопросы усыновления (удочерения) ребенка, опеки и попечительства над ним, приемной семьи, патроната и др.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации⁸, в котором определен объем дееспособности малолетних и несовершеннолетних детей, основания и порядок признания несовершеннолетних полностью дееспособными до достижения ими возраста восемнадцати лет и др.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации⁹, гарантирующий право несовершеннолетних на жилье, допускающий возможность выселения граждан, лишенных родительских прав, если совместное проживание их с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, признано судом невозможным, и др.

5. Иные Федеральные законы, законы и подзаконные акты Российской Федерации, направленные на охрану и защиту жизни и достоинства ребенка, его прав и свобод.

В соответствии с Конституцией РФ принято несколько сотен законов Российской Федерации, Указов Президента РФ, Постановлений Правительства РФ, нормативных материалов федеральных министерств и ведомств и нормативных правовых актов субъектов РФ, обеспечивающих права детей в Российской Федерации. Эти правовые документы как общего

¹ О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.

² О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

³ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 31 декабря. – № 5376.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.

⁶ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1999 года № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательств РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁹ Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.

так и специального характера содержат конкретные нормы, гарантирующие соблюдение прав и интересов детей.

В то же время для современного российского законодательства в сфере конституционно-правовой политики в области реализации прав и свобод ребенка характерны общие недостатки: обилие нормативных правовых актов, принятых в короткое время, не отличается совершенством; декларативность, противоречивость правовых норм и непродуманность средств и способов обеспечения их действительности; разбросанность прав ребенка по отраслевым источникам права – приводят к тому, что права ребенка становятся «закрытыми» для использования. Все это свидетельствует о необходимости систематизации законодательства, исключения дублирования законов, приведения всех действующих нормативных правовых актов по правам детей в соответствие с Конституцией РФ и международными правовыми актами. При этом большое значение приобретает организационное и материальное обеспечение принимаемых законов.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТАДИИ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Обращаясь к анализу зарубежного уголовно-процессуального законодательства, регулирующего условия и порядок подготовки к судебному разбирательству, необходимо отметить, что особый интерес для отечественного исследователя и правоприменителя представляет законодательство в данной области бывших республик Советского Союза. Это обусловлено тем, что отечественные правоохранительные органы в большей степени взаимодействуют с органами судебного производства именно этих стран, чем стран дальнего зарубежья, а также тем, что для отечественной науки представляет особый интерес то, каким путем в своем дальнейшем развитии пошли процессуальные системы стран, ранее составляющие единую правовую систему с нашим государством, и насколько пути, избранные этими странами, нам представляются эффективными.

Уголовно-процессуальный кодекс Беларуси регулирует порядок производства на стадии подготовки к судебному разбирательству (гл. 33) во многом идентично с уголовно-процессуальным законодательством России. Согласно ст. 276 УПК РБ по поступившему в суд уголовному делу судья принимает одно из следующих решений:

- 1) о направлении дела по подсудности;
- 2) о прекращении производства по делу;
- 3) о приостановлении производства по делу;
- 4) о назначении судебного разбирательства.

Решение принимается судьей в форме соответствующего постановления. Решение должно быть принято не позднее четырнадцати суток со дня поступления дела в суд, а по делам, подсудным Верховному Суду Республики Беларусь, областным, Минскому городскому и Белорусскому военному судам, – в срок до одного месяца. В исключительных случаях с учетом особой сложности и большого объема дела срок может быть продлен по постановлению председателя суда соответственно до одного и до трех месяцев. Уголовно-процессуальное законодательство Беларуси, как и законодательство Украины, содержит указание на особую сложность уголовного дела, как основание для продления срока принятия решения по поступившему делу. Однако оно также не дает разъяснений данной формулировки, следовательно, решается данный вопрос по усмотрению суда, но с обязательным мотивированным разъяснением решения суда в вышеуказанном постановлении. По поступившему в суд уголовному делу судья выясняет (ст. 277 УПК РБ):

- 1) подсудно ли дело данному суду;
- 2) не имеются ли обстоятельства, влекущие прекращение либо приостановление производства по делу;
- 3) подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения;
- 4) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества;
- 5) подлежат ли удовлетворению заявления и ходатайства.

При назначении судебного разбирательства (в соответствии со ст. 279 УПК РБ) судья выносит постановление о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, указанным в пунктах 3–11, 13 части первой статьи 29, и с соблюдением требований части третьей той же статьи уголовно-процессуального кодекса. Основания эти, по своей сути, идентичны основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ. Приняв решение о прекращении производства по делу, судья отменяет меру пресечения и иные меры процессуального принуждения, меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества и разрешает вопрос о вещественных доказательствах. Копия постановления судьи о прекращении производства по делу направляется прокурору, а также вручается лицу, привлекавшемуся к уголовной ответственности, и потерпевшему. Согласно ст. 280 УПК РБ судья приостанавливает производство по уголовному делу в случаях: 1) когда обвиняемый скрылся от суда и его местопребывание неизвестно; 2) временного психического или иного заболевания обвиняемого, препятствующего его участию в производстве процессуальных действий и удостоверенного врачом, работающим в государственной организации. Установив, что отсутствуют основания, препятствующие рассмотрению уголовного дела в суде, судья принимает решение о назначении судебного разбирательства (ст. 281 УПК РБ).

Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана в главе 39 регулирует порядок решения вопроса о назначении главного судебного разбирательства и подготовительных действий к судебному заседанию. В соответствии со ст. 299 УПК Казахстана при поступлении уголовного дела в суд председатель суда или другой судья по его поручению разрешает вопрос о принятии дела к производству в суде. По поступившему делу судья принимает решение о назначении главного судебного разбирательства либо о проведении предварительного слушания дела. Решение должно быть принято не позднее пяти суток с момента поступления дела в суд. Примечательно, что УПК Казахстана, в отличие от уголовно-процессуального законодательства России, Украины и Беларуси, категоричен в установлении срока принятия решения по поступившему делу и не ставит его в зависимость от меры пресечения обвиняемого, сложности или объема уголовного дела и т. д. Также одновременно с вынесением постановления судья обязан рассмотреть вопрос об обоснованности применения или неприменении к обвиняемому меры пресечения и об обоснованности или необоснованности ее вида, если мера пресечения избрана. Согласно ст. 302 УПК Казахстана судья, придя к выводу, что в процессе дознания или предварительного расследования соблюдены все требования уголовно-процессуального законодательства по обеспечению прав участников процесса и отсутствуют иные основания, препятствующие рассмотрению дела в суде, принимает решение о назначении главного судебного разбирательства. В соответствии с данным решением судья выносит соответствующее постановление. Если по делу проводилось предварительное слушание, в постановлении о назначении главного судебного заседания должны быть отражены решения по вопросам, которые ставились на обсуждение. Главное судебное разбирательство должно быть начато не ранее истечения трех суток с момента извещения сторон о месте и времени начала судебного заседания и не позже пятнадцати суток с момента вынесения постановления о его назначении. В исключительных случаях этот срок может быть продлен постановлением судьи, но не более чем до тридцати суток. Главное судебное разбирательство должно быть окончено в месячный срок, в исключительных случаях этот срок может быть продлен мотивированным постановлением судьи. Также судья вправе направить дело для дополнительного расследования по ходатайству какой-либо из сторон в случаях, если в деле есть основания для предъявления обвиняемому другого обвинения, если оно связано с рассматриваемым делом или имеются основания для привлечения к уголовной ответственности других лиц, если их действия связаны с рассматриваемым делом и отдельное рассмотрение дела в отношении новых лиц невозможно, а также если есть необходимость изменить ука-

занное в обвинительном акте обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначально предъявленного обвинения (ст. 304 УПК Казахстана).

Современное уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова представляет интерес для отечественного исследователя по той причине, что оно объединило в себе некоторые положения прежней советской процессуальной системы и более других (не считая стран Балтии и Грузии) в настоящем виде преобразовано в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством стран дальнего зарубежья. По своей структуре и содержанию УПК Молдовы (по известным причинам) более схож с законодательством Румынии и Италии, чем с процессуальным законодательством стран бывшего Советского Союза. Глава II УПК Молдовы регулирует порядок принятия уголовного дела к производству. Согласно ст. 344 поступившее в судебную инстанцию дело не позднее чем в трехдневный срок распределяется резолюцией председателя или заместителя председателя судебной инстанции судьей или, в зависимости от обстоятельств, составу суда в соответствии с установленным в начале года порядком распределения номеров дел судьям в алфавитном порядке их фамилий. Отступление от этого правила допускается лишь в случае резкого ухудшения здоровья судьи, которому выпал соответствующий номер дела, или же в связи с иными обоснованными причинами, которые должны быть изложены в мотивированном определении о передаче дела другому судье. Одновременно с распределением дела составу суда председатель судебной инстанции или его заместитель назначает председательствующего в судебном заседании из числа судей, входящих в состав суда. Не позднее чем в трехдневный срок после распределения дела для судебного разбирательства судья или, в зависимости от обстоятельств, состав суда, изучив материалы дела, назначает срок проведения предварительного заседания, которое начинается не позднее чем в течение 20 дней со дня распределения дела, за исключением очевидных преступлений. Предварительное заседание по делам, по которым в качестве обвиняемых проходят несовершеннолетние подсудимые или арестованные лица, проводится в неотложном и приоритетном порядке до истечения срока ареста, установленного ранее. При наличии возможности рассмотрения дела в неотложном порядке судья назначает его к рассмотрению без проведения предварительного заседания и принимает надлежащие меры по подготовке и проведению судебного заседания без откладывания. Предварительное заседание состоит в разрешении с участием сторон всех вопросов, связанных с назначением дела к рассмотрению. Стороны обязаны представить в предварительном заседании перечень доказательств, которые они намерены исследовать в ходе судебного разбирательства, включая те, которые не исследовались в ходе уголовного преследования (ст. 347 УПК Молдовы). Копию перечня доказательств, представленных судебной инстанции, сторона вручает в обязательном порядке противной стороне. Гражданскому истцу и гражданскому ответчику вручается перечень доказательств, относящихся к гражданскому иску. Судебная инстанция, заслушав мнения присутствующих сторон, решает вопрос об относимости к делу представленных в перечне доказательств и о том, какие из них должны быть представлены в судебном разбирательстве. Однако при рассмотрении дела по существу та или иная сторона может потребовать повторного представления доказательств, признанных на предварительном заседании не относящимися к делу. Если не установлены основания для направления уголовного дела в компетентную судебную инстанцию, приостановления или прекращения производства по делу, то суд назначает дело к рассмотрению. При назначении дела к рассмотрению судебная инстанция принимает решения по следующим вопросам: место, дата и время судебного разбирательства; процедура, по которой будет рассматриваться дело, – общая или специальная; допуск выбранного подсудимым защитника либо, если у него нет выбранного защитника, запрос о назначении такового координатором территориального офиса Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством; перечень лиц, присутствие которых в судебном разбирательстве должны обеспечить

стороны; рассмотрение дела в отсутствие подсудимого, если это разрешено законом; рассмотрение дела в открытом или закрытом судебном заседании, а также язык, на котором будет проводиться судебное разбирательство; меры пресечения и меры защиты. В соответствии со ст. 352 УПК Молдовы предварительное заседание начинается с объявления фамилии и имени судьи или, в зависимости от обстоятельств, судей, входящих в состав суда, прокурора и секретаря судебного заседания. После этого высказываются представители стороны обвинения, затем – стороны защиты. Председательствующий может задавать вопросы сторонам в любой момент. По выдвигаемым сторонами предложениям, заявлениям и ходатайствам каждый из участников заседания вправе высказать свое мнение. Ход предварительного заседания протоколируется. По итогам заседания суд выносит соответствующее определение. Если предварительное заседание проводится одним судьей, он может вынести соответствующее определение сразу же на заседании или объявляет перерыв для его вынесения, после чего публично оглашает определение. Если предварительное заседание проводится составом суда, то данное определение выносится в совещательной комнате. Определение, вынесенное на предварительном заседании, является окончательным. Судья или, в зависимости от обстоятельств, председатель состава суда обязан заблаговременно принять все необходимые меры и отдать соответствующие распоряжения к тому, чтобы в назначенный срок судебное разбирательство не было отложено. Судья также следит за составлением списка дел, подлежащих рассмотрению, который вывешивается в инстанции на видном месте не позднее чем за три дня до назначенного срока судебного разбирательства с уточнением в нем номера дела, фамилии и имени судьи (судей), который (которые) рассматривает (рассматривают) дело, числа, часа и места проведения заседания, фамилии и имени обвиняемого (обвиняемых), преступления, которое составляет предмет дела, других данных об открытости судебного заседания, а также иной информации, обеспечивающей прозрачность судебного процесса.

Наиболее типичным законодательством среднеазиатского региона республик бывшего Советского Союза, которое в настоящее время сочетает в себе черты бывшей отечественной школы и уголовно-процессуальной системы современных государств Центральной Азии, является законодательство Таджикистана.

Глава 21 УПК Таджикистана посвящена правовому регулированию стадии предания обвиняемого суду и подготовительным действиям к судебному заседанию.

Согласно ст. 222 УПК Таджикистана судья при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предпринимая вопроса о виновности, выносит постановление о предании обвиняемого суду.

По делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь, а также в случаях несогласия судьи с выводами обвинительного заключения или при необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого, проводится распорядительное заседание суда. Суд в распорядительном заседании выносит определение о предании обвиняемого суду или возвращает дело на доследование, или прекращает делопроизводство, а также разрешает вопрос о мере пресечения. В случае предания обвиняемого суду суд в распорядительном заседании может исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, не изменяя при этом формулировки обвинения. Вопрос о предании суду должен быть разрешен судьей или судом в распорядительном заседании не позднее четырнадцати суток с момента поступления дела в суд. При разрешении судьей или судом в распорядительном заседании вопроса о предании обвиняемого суду подлежит выяснению в отношении каждого из обвиняемых следующее: подсудно ли дело данному суду; содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; не имеется ли обстоятельств, влекущих прекращение либо приостановление

дела; собраны ли по делу доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании; соблюдены ли при возбуждении дела, производстве дознания или предварительного следствия требования законодательства; правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон; составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства; правильно ли избрана мера пресечения в отношении обвиняемого; приняты ли меры, обеспечивающие возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества либо изъятие транспортного средства.

В соответствии со ст. 226 УПК Таджикистана рассмотрение дела в распорядительном заседании начинается докладом судьи, который обосновывает свое несогласие с выводами обвинительного заключения или с мерой пресечения. Затем суд заслушивает мнение прокурора. После этого приглашаются вызванные в заседание суда лица, которые заслушиваются в связи с заявленными ими ходатайствами. По заявленным ходатайствам суд заслушивает заключение прокурора. Определение выносится в совещательной комнате. Вызов свидетелей и экспертов в распорядительное заседание не допускается.

Придя к выводу, что имеются достаточные основания для рассмотрения дела в судебном заседании, суд в распорядительном заседании, не предрешая вопроса о виновности, выносит определение о предании обвиняемого суду. При этом суд мотивированным определением может исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, не изменяя при этом формулировки обвинения.

Согласно ст. 228 УПК Таджикистана, признав наличие достаточных оснований для предания обвиняемого суду, судья или суд в распорядительном заседании обязан разрешить следующие вопросы: об участии в судебном разбирательстве государственного обвинителя; о допущении в качестве защитника лица, избранного обвиняемым, или о назначении защитника; о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, свидетелей, экспертов и специалистов; о вызове переводчика, общественного защитника, а также о рассмотрении дела в закрытом заседании; о месте и времени судебного разбирательства. Постановление судьи или определение распорядительного заседания суда о необходимости участия в судебном разбирательстве прокурора обязательно для него. Также если прокурор, направляя дело в суд, сообщит, что он считает необходимым поддерживать обвинение, то судья или суд в распорядительном заседании не вправе отказать ему в этом. Постановление судьи и определение распорядительного заседания суда о предании обвиняемого суду должны содержать: вывод о достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании, решение о предании суду, указание лица, предаваемого суду, и уголовного закона, подлежащего применению, решение о мере пресечения в отношении подсудимого, а также решения по заявленным ходатайствам (ст. 231 УПК Таджикистана).

Подводя итог рассмотрения некоторых основных аспектов стадии подготовки к судебному заседанию в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве стран бывшего СССР, возможно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ в вопросах правового регулирования стадии подготовки к судебному заседанию большей частью пошло по самостоятельному пути развития, отличном от отечественного законодательства. При этом существенное влияние на законодательное содержание данного процесса в этих странах оказало процессуальное законодательство тех государств, с которыми республики бывшего Советского Союза традиционно поддерживают тесные экономические, национальные и религиозные связи. Однако для отечественной процессуальной школы не все современные законодательные положения стран ближнего зарубежья будут приемлемы.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Вопросы судебного доказывания размера убытков, а точнее упущенной выгоды в авторском праве, являются проблемными во всем мире. С проблемой доказывания упущенной выгоды в авторском праве сталкиваются и отечественные правообладатели¹.

По своей юридической природе возмещение убытков является не штрафной, а компенсационной санкцией. Они взыскиваются в пользу потерпевшей стороны для восстановления ее имущественного положения. Восстановление должно происходить в том объеме, как если бы права и интересы потерпевшего лица не были нарушены. Здесь необходимо внести уточнения относительно юридической природы термина «убытки».

Представляет интерес мнение Н. А. Дмитрик, который пишет, что понятие «убытки» по своему юридическому значению уже понятия «вред», поскольку в первое включается только реальный ущерб и упущенная выгода, а возмещаются они, как правило, при наличии имущественных отношений и в денежном выражении².

Согласно ст. 15 Гражданского кодекса РФ³ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Основная цель возмещения убытков согласно действующему законодательству – восстановление нарушенного права. Объем возмещаемых убытков составляют суммы реального ущерба и упущенной выгоды.

Убытки не могут быть по своей правовой природе фикцией, т. е. заведомо ложным положением, признаваемым истиной, так как размер понесенных убытков должен быть доказан истцом и лишь тогда подлежит возмещению. При отсутствии доказанного размера, например, упущенной выгоды, денежные суммы не взыскиваются. Связана данная ситуация с тем, что возмещение убытков потерпевшему не предполагает его обогащения от правонарушения⁴.

В соответствии с Законом РФ от 18 декабря 2006 года в случае нарушения прав правообладатель может требовать:

- возмещения убытков, включая упущенную выгоду;
- взыскания дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторского права, вместо возмещения убытков;
- выплаты компенсации в размере от 10 до 50000 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), устанавливаемых законодательством РФ, определяемой по усмотрению суда, вместо возмещения убытков или взыскания дохода⁵.

¹ Близнац И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И. А. Близнаца. – М.: Проспект, 2011.

² Дмитрик Н. А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет. – М.: ВолтерсКлувер, 2011.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: часть 4 от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.

⁴ Калятин В. О. Структура авторского права использования произведения: актуальные проблемы // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 12.

⁵ О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ: Федеральный закон от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ [в ред. 12 апреля 2010 года].

Таким образом, для обоснования упущенной выгоды субъект авторского права должен произвести и представить суду некий расчет предполагаемых доходов, которые он мог получить, если бы его права не нарушались. Нетрудно догадаться, что представить суду точный расчет такого ущерба практически невозможно, во-первых, потому что нет какой-либо единой методики такого расчета, а во-вторых, потому что любой подобный расчет носит умозрительный характер¹.

Поэтому, учитывая особенности правоотношений в сфере авторского права, судебная практика не знает случаев, когда предметом судебного разбирательства было бы взыскание именно упущенной выгоды. Как показывает практика, правообладатели чаще всего используют такой способ защиты, как заявление требования о выплате компенсации².

Часто применяется практика, при которой при нарушении патентных прав нужно установить количество произведенных и проданных контрафактных товаров³. Каждый контрафактный товар вытесняет товар патентообладателя. Соответственно нужно подсчитать, сколько бы заработал патентообладатель, если бы количество товара, в котором содержится изобретение, купили бы у него. Такой подход содержит ряд юридических ошибок.

Термин «контрафакт» является заимствованным либо из английского языка (от «*counterfeit*» – подделка, фальшивка), либо из французского (от «*contrefaçon*» с аналогичным значением). Изначально контрафактом называли именно поддельную продукцию (например, фальшивую валюту), однако затем этим термином стали называть также продукцию, произведенную с нарушениями интеллектуальных прав. Понятие контрафакта в значении объекта, нарушающего интеллектуальные права, отнюдь не является новым.

Во-первых, ошибочно утверждать, что контрафактный товар вытеснил оригинальный. Действительно ли оригинальный товар не был куплен у патентообладателя, потому что на рынке появился более дешевый контрафактный? Это вопрос, подлежащий доказыванию. Возможно, нарушитель сам нашел свои рынки сбыта. Тогда, привлекая его к ответственности, мы не можем присвоить ему роль бесплатного агента патентообладателя, который как бы продал его товары, расширил рынок сбыта. Иначе произойдет обогащение патентообладателя за счет нарушителя, что не соответствует компенсационности рассматриваемой меры ответственности.

Во-вторых, в данном случае нет причинно-следственной связи. Если нарушитель нашел собственные рынки сбыта, то невозможно говорить о каких-то доходах, которые патентообладатель мог бы там получить.

Конечно, неверно говорить, что данный подход к расчетам убытков в любой ситуации ошибочен и ни при каких обстоятельствах не может использоваться. Если продавцы не купили у патентообладателя товар потому, что нарушитель предложил им аналогичный по меньшей цене, то уменьшение объема реализации у патентообладателя произойдет именно вследствие нарушения. На неполученный из-за этого доход патентообладатель с уверенностью мог рассчитывать, так как ранее успешно продавал свой товар данным продавцам. Этот неполученный доход соответствует всем признакам упущенной выгоды и подлежит возмещению: имеется прямая причинно-следственная связь, и обогащения за счет нарушителя не произойдет⁴.

Дело в том, что при этом способе восстановления прав, в отличие от двух других, не требуется предоставления каких-либо документальных подтверждений заявляемых требований. Однако поскольку Закон не устанавливает специальных критериев, которые могли бы облегчить обоснование размера истребуемой компенсации, возникают проблемы, связанные с тем, что нарушитель или даже суд стремятся размер компенсации приравнять к размеру

¹ Близнец И. А. Изменение правового регулирования вопросов авторских и смежных прав // Закон. – 2012. – № 10.

² О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском и смежных правах: Постановление Пленума Суда от 19 июня 2006 года № 15.

³ Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности. – М.: Проспект, 2008. – С. 298.

⁴ Калятин В. О. Структура авторского права использования произведения: актуальные проблемы // Журнал российского права. – 2011. – № 23.

фактических убытков, причиненных правообладателю неправомерными действиями пользователя. В результате происходит искусственная подмена одного способа восстановления нарушенного права другим.

По мнению В. Пирогова, абсурдно заявление о преимуществе, которое дает двойное патентование одного и того же объекта: и в качестве изобретения или полезной модели, и в качестве промышленного образца. На практике такое патентование возможно, и некоторые патентные поверенные умудряются это делать, хотя понятно, что устройство и внешний вид – разные результаты творчества. Так вот, утверждалось, что якобы наличие в отношении одного и того же объекта двух патентов (на промышленный образец и на изобретение или полезную модель) позволяет взыскивать убытки, рассчитанные по цене изделия, за нарушение и одного, и другого патента. Конечно, это противоречит самой сути убытков и их взысканию как компенсационной санкции¹.

Двойной счет убытков недопустим. Поэтому, если делать расчет с учетом цены изделия, уменьшения объема продаж вследствие нарушения, то размер убытков остается неизменным вне зависимости от того, сколько чужих патентов воплотил в изделии нарушитель.

В таких ситуациях налицо одна едва заметная ошибка в подходе к расчету убытков исходя из цены самой вещи, в которой воплощен нематериальный результат творчества. Патент делает его владельца монополистом. Он получает свой доход вследствие того, что на рынке нет конкурента, продающего аналогичный товар, в котором воплощено такое же решение. Соответственно монополист-патентообладатель может завышать цену до тех пор, пока покупатели будут платить за эксклюзив и не переключатся на более дешевые стандартные товары. Вот эта трудноопределимая разница между ценой стандартных товаров и товара патентообладателя, в котором воплощено запатентованное решение, и есть тот доход, который дает ему исключительное право.

Также подлежит критике со стороны таких авторов, как Л. Нейман и Е. Е. Богданова, еще более часто встречающийся подход, когда предлагается умножить цену контрафактного товара на количество проданных нарушителем изделий². Полученную сумму предлагается считать доходом нарушителя, которая подлежит возмещению в силу второго абзаца п. 2 ст. 15 ГК РФ.

Это также не соответствует компенсационной сущности убытков, так как потерпевший обогатится за счет нарушителя. Отсутствует и причинно-следственная связь: если нарушитель получил доход, то это еще не значит, что именно на него мог рассчитывать патентообладатель.

По мнению Ю. Калиновского, более заметной становится и ошибка в привязке к цене товара. В соответствии со вторым абзацем п. 2 ст. 15 ГК РФ упущенная выгода подлежит возмещению в размере не меньшем, чем доходы, которые получил нарушитель вследствие нарушения. Нарушение образует использование в производимом и продаваемом товаре запатентованного технического решения. Поэтому необходимо считать доход нарушителям именно от использования изобретения, а не от продажи товаров, в которых оно воплощено³.

В. О. Калятин утверждает, что к критике утверждения о том, что второй абзац п. 2 ст. 15 ГК РФ облегчает возмещение убытков от нарушения патента, следует добавить и такую мысль: в ходе подготовки к судебному делу и в процессе его рассмотрения практически невозможно доказать доход, полученный нарушителем. Сам он не предоставит соответствующую информацию, а суд зачастую не удовлетворяет ходатайство об истребовании таких доказательств у ответчика⁴.

¹ Пирогова В. Правовая охрана технических средств защиты авторских и смежных нрав: теория и практика // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. – 2011. – № 10.

² Нейман Л., Колоколов Б. Правовые основы DRM в России // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. – 2012. – № 5; Богданова Е. Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. – № 6. – 2011.

³ Калиновский Ю. Защита авторства // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 12.

⁴ Калятин В. О. Структура авторского права использования произведения: актуальные проблемы // Журнал российского права. – 2011. – № 2.

ЧТО ЗОВЕТСЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ?

Обсуждение связанных с онтологической проблематикой вопросов – изнуряющее, но интригующее занятие, т. к. оно представляет собой развертывание целостной картины мира как некой координатной сетки, определяющей смысл и содержание воспринимаемых нами явлений и событий, объектов и образов. Не облегчает ситуацию и то, что интересующие нас вопросы сосредоточены на рассмотрении только правовой реальности, поскольку, исходя из принципа единства и взаимосвязи мира, онтологические проблемы юриспруденции всегда будут обусловлены положением дел в общей философии как дисциплины, задающей мировоззренческие и методологические ориентиры. От этих ориентиров или установок мы и будем отталкиваться в нашем философско-правовом анализе.

Вопрос о реальности того или иного объекта – это в первую очередь вопрос о его существовании или несуществовании. История философии знает немало разнообразных попыток определить реальность, обозначить то, что существует и как оно существует, дать исчерпывающие критерии. Среди таковых прежде всего следует назвать традиционные подразделения философского дискурса на материализм и идеализм, номинализм и реализм, рационализм и эмпиризм. Каждое из этих направлений утверждает наличествующую реальность своего объекта и отрицает свою противоположность либо оспаривает ее первенство. Здесь не имеет смысла останавливаться на содержании каждого воззрения, поскольку ни одно из них в отдельности не дало полноценного решения проблемы. Гораздо продуктивнее для наших целей использовать те обобщенные характеристики всего содержательного многообразия философской мысли, ее эссенциальные составляющие, которые выразились главным образом в феномене рациональности как таковой, само становление и развитие которой буквально дифференцированно отражает специфику сменяющихся представлений о реальности, как в исторической перспективе, так и в текущей современной плоскости.

В самом общем виде в философии науки выделяются две формы рациональности, являющиеся самостоятельными духовными формациями, некими идеалами познания, сохраняющими как хронологическую, так и смысловую преемственность между собой, но представляющие два диаметрально противоположные взгляда на строение мироздания. Это общеизвестные классический и неклассический идеалы рациональности, существенно отличающиеся в своих интенциях, но имеющие множество точек пересечения в современном научном и философском мышлении. Для классической духовной формации проблема возможности или невозможности определения реальности, иными словами, проблема построения универсальной онтологии не стояла вовсе, а была смыслообразующим умонастроением для всякой философской системы, конституирующим саму правомерность философской рефлексии. Лейтмотивом классики, соответственно, было продуцирование универсальной и константной мысленной конструкции об устройстве бытия, организации разума и основных движущих человеческим поведением силах. Господствующим представлением при этом была идея существования «...внеличного естественного порядка, бесконечной причинной цепи, пронизывающей все бытие, трансцендирующей помещенного в него человека и обладающей при этом рационально постижимой структурой. Это образ мира “как он есть”, независимо от человека и человечества, живущего своей естественной жизнью, несоизмеримой с возможностями человеческого вмешательства и решения»¹. Таким образом, классика стремилась сформулировать фундаментальное метафизическое представление об «абсолютной действительности», неизменной и окончательной в своей сущности, независимой от какого бы то ни было наблюдателя, индивидуально-личностного или группового, исторического или социокультурного априори.

¹ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб., 2010. – С. 134.

Неклассика же в том смысле и состоялась, что подвергла ревизии и полному обскурантизму «абсолютную действительность» классического естествознания в лице формально-механической картины мира Ньютона и прежде всего всякой трансцендентальной философии, на нее опирающейся. Преобразующими мир идеями, на которые опиралась неклассика, стали уроки естествознания, во-первых, в виде теории относительности Эйнштейна, опровергающей концепт абсолютного субстанциального пространства и времени и доказывающей их атрибутивность и релятивность, т. е. зависимость от наблюдателя и его характеристик; во-вторых, в виде принципа неопределенности Гейзенберга, доказывающего не жестко-детерминистскую, а вероятностно-статистическую модель Вселенной и принципа дополненности Бора, показывающего информационную ограниченность поля всякого сознания, обрезающего всякую возможность целостного видения мира, а только какой-то его аспект, сторону; в-третьих, в виде идеи изменения, эволюции, показывающей, что все куда-то движется, не стоит на месте, развивается, трансформируется порой в собственную противоположность, и не существует никаких инвариантов ни в духовной, ни в материальной сфере. Все это привело в итоге к кризису классической философии форм, качеств и субстанций, а также породило гносеологический плюрализм, историцизм, осознание значимости социокультурных факторов вплоть до радикального провозглашения Шпенглером релятивистского тезиса о том, что любое познание, в том числе естествознание, математика и логика, есть не более чем функция соответствующей культуры; иными словами, что у каждой культуры есть свое понимание, интерпретация природы и ее законов, имманентных вовсе не бытию, а самому познанию. Такова в самом ближайшем приближении ситуация в теории познания и по сей день. Призрак непреодоленного релятивизма и иррационализма довлеет над любой социально-гуманитарной наукой в современной системе знания.

Резонно задать вопрос, что дали классика и неклассика для методологии как общепознавательной дисциплины? Классика породила так называемое «объективное мышление» и метод причинно-следственного объяснения, ищущий за всяким явлением его сущность, за всякой случайностью – закон или закономерность. Неклассический менталитет исходит из установки «всемогущества мышления», которое способно придавать форму реальности вещей, приписывать вещам смысл, вкладывать в них «свое» значение на основе определенного понимания (интерпретации) и преобразования вещи. Неклассика исходит из принципиальной зависимости нашего знания от средств, способов и приемов, которые использует для его достижения субъект, при неодинаковости которых получаются разные результаты в познании одного и того же явления. Кроме того, здесь учитывается влияние ценностей, т. е. целей, мотивов исследования на протекание самого этого исследования и его конечные результаты¹.

В каком отношении к идеалам рациональности находится юридическое познание и что зовется правовой реальностью? Иными словами вопрос заключается в следующем: а где, собственно, местопребывание права, определяющее его преимущественную реальность, т. е. ту реальность, которая позволит однозначно указать нам, что вот оно – право?

Благодаря усвоенному влиянию традиционного позитивизма, через эпохальную теорию нормативизма Г. Кельзена и других позитивистов, в том числе дореволюционных российских юристов, ситуацию в советской науке права вплоть до 60–70-х годов прошлого века в отношении к онтологии юридического мышления можно было бы обозначить как подпадающую под признаки классической духовной формации. В самом деле, несмотря на все подсознательное внутреннее сопротивление научных кругов тезису Кельзена о том, что единственным аутентичным предметом познания юриста является система юридических норм², на поверхности сознания примат этого тезиса господствовал с полной силой. Нормой права определялась вся совокупная юридическая реальность, ею исчерпывался весь предмет познания, вся «объективная» сущность права «объяснялась» свойством его нормативности. При этом нормативный закон являлся единственным источником права, исходящим от госу-

¹ Подробнее по этому вопросу см.: Черникова И. В. Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 71–79.

² Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник. Вып. 1. – М., 1987. – С. 99.

дарства как трансцендентного привилегированного субъекта истины, определяющего его общеобязательное классически-универсальное причинно-следственное действие по исчисленному кругу лиц, в классически абсолютном пространстве и времени, одинаковых для всех безотносительно к конкретным условиям, обстоятельствам и индивидуальным особенностям ситуации. Свежая интеллектуальная струя в советскую науку пришла как реакция на классические представления о реальности только нормы в виде так называемого широкого правопонимания¹, настаивающего на включение в понятие права общественных отношений как содержательного элемента правоотношения и правосознания как духовного фактора. Все это свидетельствовало о подъеме философии и социологии права, возрождении естественно-правовой доктрины в академическом смысле. Но вопрос о том, что является правовой реальностью, с тех пор не только не ушел в историю, но стал более напряженным. В самом деле, реальность для юриста ограничивается только нормативным полем или также включает в себя правоотношения и правосознание?

Ведь если мы ограничиваем юридическую реальность правовой нормой как некой мысленной конструкцией, не выводимой из сущего, но бытующей лишь в сфере должного, то отсюда нужно заключить, что норма может иметь любое содержание, являясь исключительно произвольным установлением, что является абсурдным. Очевидно, что право не определяется только сферой должного, свидетельство чего – инерционное сопротивление социального материала «неадекватному» регулированию. Если мы исходим из аксиомы, что всякое знание обусловлено бытием, то нормы права здесь не исключение. Их содержание черпается из того сегмента общественной жизни, на который направлено его регулирование, и взаимодействие нормы-отношения в процессе происходит по принципу обратной связи либо не происходит вовсе, но тогда не происходит и правовое регулирование. Сюда добавляется еще и то обстоятельство, что эта связь не является непосредственной, она опосредована, преломлена правосознанием, выступающим в роли катализатора той или иной социальной тенденции или в роли ее тормоза, т. е. фактора, ускоряющего или замедляющего процесс правореализации, а, соответственно, и процесс правового регулирования. Таким образом, правовая реальность предполагает существование как бы в трех измерениях – *отношение-норма-сознание*.

Но, с другой стороны, если нет никакой системы норм как объективно действительного установления из сферы должного, общеобязательного, а есть нормы, отношения и множество сознаний, имеющих свое интуитивное правопонимание, то ситуация оказывается еще более сложной, чем прежде, поскольку тогда релятивируется сама догма правопорядка, где право от неправа отличить вовсе не просто.

Как разрешается данная ситуация современной наукой? Многие до сих пор считают возможным построение интегративной теории права, объединяющей в себе юридический и социологический позитивизм, естественно-правовую гипотезу и философскую идею права в одно целое. Есть даже мнение, что базисом для таких построений может стать герменевтика². Однако есть и противники всякой интеграции³. Думается, что программа создания универсальной схемы юридической конструкции теоретически возможна, однако пока она не открыта, всякие попытки размышлять в этом направлении будут похожи на спекуляции. Поэтому обратимся к неклассическим философским подходам в ответе на вопрос об определении реальности. Наиболее перспективным в этом смысле подходом нам представляется интервальный подход к истине⁴, базирующийся на старом представлении об относительности и

¹ Наиболее подробное и квалифицированное изложение и анализ этой дискуссии можно найти у В. С. Нерсесянца (Нерсесянц В. С. Философия права. – М., 1997. – С. 311–319).

² Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Юшко А. В. Понимание права в системе юридического знания и государственно-правовом развитии России. – Ростов н/Д, 2009. Также см.: Овчинников А. В. Юридическая герменевтика как правопонимание // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 162–164.

³ Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.

⁴ Подробнее см.: Философия социальных и гуманитарных наук / под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. – М., 2008. – С. 23–31.

конкретности всякой истины, т. е. истины, имеющей границы собственной применимости, а потому утверждающей гносеологический плюрализм. Кроме того, здесь вырисовывается возможность построения иерархии интервалов абстракции, от меньшего охвата содержания предмета к большей его генерализации. Если средствами современной науки пока невозможно дать концепт единой всеобщей юридической реальности, то можно подойти к вопросу дифференцированно, чтобы отдавать себе отчет о структуре того, на что мы смотрим. Интервальный подход вводит понятие познавательной позиции, предполагающей, что структура любого акта состоит из двух элементов: предмета познания и условий познания. Условия познания содержат следующие характеристики: кто познает, как (с помощью каких средств) познает, для чего познает. Познавательная позиция аналогична «когнитивной системе отсчета». В среде юристов самым общим образом можно выделить три когнитивные системы отсчета: правоприменителя, законодателя и философа права. И вот получается, что если субъектом выступает правоприменитель, то его предметом познания преимущественно окажутся нормы, а основным методом – объяснение, целью – принудительное и добровольное подчинение частного поведения общему представлению, модель социального устройства, выраженную в норме (сущностью права здесь будет норма); если субъектом является законодатель, то его предметом познания преимущественно будут общественные отношения, а основным методом – понимание, целью – оценка значимости того или иного поведения, критерием которой будет некая система ценностей (сущностью права здесь будет справедливость, которая распределяется исходя из модели социального устройства); если, наконец, субъектом является философ права, то его предметом познания окажется само правосознание, правовое существование с целью получения метода, технологии преобразования, упорядочения общественной жизни (сущностью права здесь будет сама идея права – свобода, форма и мера которой способна сильно варьировать в разных обществах).

В итоге оказывается, что мы имеем не одну концепцию реальности, а множество, каждая из которых оказывается верной в определенных границах применимости, т. е. в определенном интервале абстракции. Кроме того, вырисовывается некая иерархия интервалов абстракции, в смысле очерчиваются границы применимости, во-первых, каждого метода, во-вторых, предмета. Объяснение, применимое в процессе правоприменения, имеет куда меньший охват содержания по сравнению с пониманием законодателя, который изначально опирается также и на объяснение. Философ же нацелен преобразовать мир и другие сознания, опираясь при этом как на силу объяснения, оперирующего законами и закономерностями, так и на понимание, в основе которого лежит представление о наилучшей форме и мере свободы с его точки зрения. Сама по себе иерархия не предполагает, что законодатель целиком находится в парадигме понимания, а правоприменитель – объяснения, философ – методологии и не используют в своей деятельности элементы других средств познания. Речь идет о степени использования, о преобладании в системе отсчета того или иного субъекта одного из трех методов и объектов, предопределяющих саму специфику их познавательной позиции и функции.

Данный подход, предполагающий сингулярные «онтологии», т. е. возможность сразу нескольких онтологий в пределах своей «компетенции» или границ приложимости, дает если не окончательное решение проблем юридической реальности, связанных с ее неоднородностью и прерывистостью, то, по крайней мере, необходимые промежуточные решения, отвлекающие нас от спекулятивных интегративных теорий на базе герменевтики.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Юриспруденция начала XX века по-прежнему носила всеобщий, философский характер. Право растворилось среди общих и отвлеченных дисциплин. В учебных программах доминировали естественно-правовые учения, заимствованные из Западной Европы. Студенты обучались универсальным истинам, сокрытым в доктринах естественного права, которые придавали и правоведению, и юридическому образованию теоретический характер, поскольку были ориентированы на выяснение права идеального, но не действующего. Как отмечал русский правовед А. Орлов, «...читали римское право, объясняли институты и пандекты, излагали историю римского права, раскрывали кое-какие теории государственного, гражданского и уголовного права, а русское законодательство стояло на самом последнем плане»¹.

Серьезной критике со стороны практиков подготовка юристов подверглась в конце XIX – начале XX веков, когда начались подготовительные работы к новым судебным реформам. В частности, отмечалось, что «гражданское правосудие составляет чуть ли не самое слабое место судебного строя, а низкий уровень цивилистического образования судебных деятелей признавался одним из главных его недостатков»². Министерство юстиции указывало, что «юридическое образование значительной части наших судей не вполне удовлетворительно», что «ошибки в судебной деятельности сделались обыкновенным явлением»³.

Показательно письмо министра юстиции от 28 февраля 1902 года, отражавшее устойчивые настроения в профессиональной среде. В нем обращалось внимание на неподготовленность к практической деятельности лиц, окончивших юридические факультеты. Министр указывал, что молодые юристы не только не имеют достаточной общей подготовки, но и слабо знакомы с действующим русским законодательством. Кроме того, прямо говорилось о недостатке практических сведений у выпускников юридических факультетов⁴.

Нельзя игнорировать и влияние установок юридического мышления. В начале XX века в российской юриспруденции в целом доминировали идеи юридического позитивизма. Позитивизм привел к упадку философии права, которая ранее занимала выдающееся место в ряду юридических наук и была одним из важнейших предметов преподавания в университетах⁵.

По сути, устав 1884 года заложил основы предметной системы преподавания, но применить все это на практике не удалось. Уже в первые годы фактически был восстановлен порядок, действовавший при старом уставе. Таким образом, сложилась централизованная система управления университетом, исключавшая автономию; профессура непосредственно подчинялась университетскому начальству и министерству. Кроме того, усиливался надзор за студентами и восстанавливалась курсовая система.

В таком формате университетский устав действовал до 1905 года. В период революции правительство пошло на уступки и ввело «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения»⁶, которые восстановили выборность ректора, деканов и профессоров. Однако с 1910 года вновь был восстановлен устав

¹ Орлов А. О современном юридическом образовании в России // Современник. – 1850. – № 5. – С. 95–96.

² Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. – Одесса, 1886. – С. 2.

³ Наше гражданское правосудие // Юридический вестник. – 1883. – Кн. 8. – С. 641.

⁴ Дерюжинский В. Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7. – С. 219–236.

⁵ Чичерин Б. Н. Философия права. – М., 1990. – С. 1.

⁶ Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века – начало XX века. – М., 1998. – С. 29–30.

1884 года, действовавший до 1915 года.

В начале XX века некоторые перемены коснулись процесса освоения предметов. Речь идет о переходе в 1906 году к предметной системе. Ее главная особенность заключалась в том, что студенту предоставлялась возможность самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию в пределах, указанных учебным планом и программами курсов, сообразно своим наклонностям и научным интересам. Но уже через несколько лет университеты стали отходить от предметной системы, внося элементы курсовой.

В начале XX века сохранился заданный уставом 1884 года перевес отраслевых дисциплин. Исходя из этого мы считаем, что устав 1884 года удачно сочетал фундаментальное и утилитарное начала в юридическом образовании. Умеренный утилитаризм в сочетании с регулируемой (ограниченной) свободой преподавания и обучения стал наиболее устойчивой моделью высшего юридического образования в дореволюционной России¹.

Необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX веков стали появляться специальные учебные заведения юридического профиля. В итоге в России было создано несколько учебных заведений, которые целенаправленно готовили к практической деятельности, к службе в различных структурах государственного аппарата. Принимая во внимание статус высшего учебного заведения и юридический профиль, обратимся к истории трех учебных учреждений: Училища правоведения (далее – Училище), Демидовского юридического лицея (далее – Лицей) и Военно-юридической академии (далее – Академия). Каждое из них отличалось своей специализацией. В Училище преобладал интерес к юрисдикционным предметам. В Лицее в большей степени уделялось внимание изучению гражданского права. Академия отличалась уголовно-правовой специализацией и целенаправленно готовила юристов для сферы уголовной юрисдикции.

Училище было создано по инициативе принца П. Г. Ольденбургского, который стремился посредством обновления кадров преодолеть недостатки русского суда.

Училище было закрытым учебным заведением. Устав ограничивал круг поступающих лишь представителями потомственного дворянства. В силу этого в Училище обучалось небольшое число воспитанников. Придание Училищу элитарного характера должно было обеспечить высоконравственное воспитание юношества в духе уважения принципов права и добра. Исходя из этой цели, строился процесс обучения. Сначала учащийся в течение семи лет проходил гимназический курс. Затем три года отводилось на специальную, или юридическую, подготовку².

Сравнение с университетским учебным планом показывает заметные отличия.

Во-первых, имелось существенное различие в предметах. В университетских учебных планах присутствовали такие дисциплины, как история иностранных законодательств, история славянских законодательств, византийское право, государственное право важнейших иностранных государств, статистика. Указанные предметы отсутствовали в программах преподавания Училища.

Во-вторых, следует обратить внимание на расхождения в содержании преподаваемых курсов. В университетах энциклопедия права включала наряду с теоретическими сюжетами еще и энциклопедию юридических и политических наук, историю философии права. В Училище изучение данной дисциплины должно было ознакомить слушателя с основным набором понятий, без углубления в теорию. Общий характер носило изучение в Училище римского права и государственного права. В первом случае не выделялись отдельно история римского права, догма римского права, византийское право. Во втором случае также в одном курсе были объединены теория государственного права, государственное право важнейших иностранных государств, русское государственное право.

В университетах студентам преподавалось финансовое право, а в Училище – законы

¹ Обзор преподавания на юридическом факультете императорского Московского университета на 1915–1916 академический год. – М., 1915. – С. 1–16.

² Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 1. – СПб., 1903. – С. 204.

о финансах. Разница состояла в том, что студенты юридических факультетов знакомились с теорией финансов, а слушатели Училища ограничивались изучением действующих нормативных правовых актов финансово-правового характера. По такому же принципу строилось преподавание полицейского права. Более обстоятельно в университетах изучалась политическая экономия. Часто в качестве специальных курсов читались гражданское и уголовное судоустройство.

В то же время в Училище, насколько позволяют судить учебные планы, больше, чем в университетах, уделялось внимание гражданскому и уголовному процессуальному праву. Слушатели не просто знакомились с историей, теорией и догматикой соответствующей процессуальной отрасли права. Программа этих курсов обязательно включала практику, в ходе которой воспитанников знакомили с практическими аспектами деятельности юриста.

В-третьих, наблюдались различия в объемах учебного времени. Например, в Училище меньше часов отводилось на изучение истории русского права, государственного права, полицейских законов, политической экономии, законов о финансах. Образовавшийся резерв учебного времени перераспределялся в пользу гражданского права и судопроизводства, уголовного права и судопроизводства, судебной медицины.

Существенной особенностью Училища было наличие почти с первых лет его существования практических занятий. В ходе изучения римского права слушатели решали казусы, по истории русского права читали и анализировали памятники права. На старших курсах воспитанники знакомились под руководством профессоров с уголовными и гражданскими делами¹.

Как видим, несмотря на включение в программу обучения некоторых теоретических курсов, общая направленность подготовки юристов в Училище мало менялась. Сохранился практический характер обучения, которое старались приспособить к потребностям определенного круга государственных учреждений².

Программа обучения в Лицее была максимально приближена к университетской.

Слушатели в течение трех лет изучали самые разнообразные предметы: богословие и церковную историю, историю, статистику, русскую словесность, математику, физику, химию, бухгалтерию, зоологию, ботанику, минералогию, сельское хозяйство, лесоводство, земледелие, политическую экономия, энциклопедию законоведения, законы государственного благоустройства и благочиния, государственные законы и учреждения, законы казенного управления, финансы, гражданские и уголовные законы.

В результате реформ лицейское образование получило «полуюридический» характер, а само учебное заведение утратило статус вуза и заняло промежуточное положение между средними и высшими учебными заведениями. Это вызвало отток студентов, поскольку диплом лицея не позволял получить чин и соответствующие служебные «права и преимущества»³.

В дальнейшем произошло реформирование Лицея. Он был преобразован в высшее учебное заведение с четко определенной юридической направленностью. Сразу отметим, что в ходе преобразования Лицея проявилось стремление приравнять его к юридическим факультетам университетов.

Однако на практике ситуация оказалась сложнее. Страна нуждалась в специалистах, которые могли немедленно приступить к решению конкретных практических задач. Это породило потребность в высших учебных заведениях, которые минимизируют по сравнению с университетами научное образование студентов, но усиливают их специальную подготовку.

Существенно отличались правила для студентов, согласно которым обучение велось четыре года. За этот период полагалось изучить 12 предметов, которые распределялись по трем группам. Первую составляли пропедевтические дисциплины: энциклопедия права, всеобщая история права, история русского права. Ко второй группе относились поли-

¹ Соболевский В. И. Императорское училище правоведения в 1885–1910 годах. – СПб., 1910. – С. 54.

² Сюзор Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (1835–1910): исторический очерк. – СПб., 1910. – С. 122–123.

³ Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. – Ярославль, 1914. – С. 169.

тические дисциплины: государственное право, политическая экономия. Третью группу образовывали юридические науки, являвшиеся ядром учебного плана: международное право, римское право, гражданское право, гражданское судопроизводство, уголовное право и уголовное судопроизводство.

Заметны некоторые отличия лицейского учебного плана от университетского. Во-первых, в нем не было таких курсов, как история философии права и статистика. Два историко-правовых курса – история важнейших иностранных законодательств «древних и новых» и история славянских законодательств – были объединены в один – всеобщая история государства и права. Представляется, что составители учебного плана стремились в известной мере сократить общекультурную подготовку и сосредоточить внимание студентов на юридических науках.

Таким образом, Лицей в изучаемый период представлял собой высшее учебное заведение, предназначенное для удовлетворения потребностей государственного аппарата в квалифицированных юридических кадрах. Студенты основное время посвящали изучению действующего законодательства, причем преимущественно гражданского.

Тем не менее это была лишь одна сторона юридического образования в Лицее. Его другую сторону представляло явно обозначившееся стремление профессуры перейти к фундаментальной модели образования, реализовать в Лицее университетскую программу профессиональной подготовки. В полном объеме это не удалось сделать. Но в учебном плане вуза в начале XX века увеличилось число теоретико-исторических предметов.

Академия специализировалась на подготовке военных юристов и была более открытым учебным заведением, а также была напрямую связано с судебными преобразованиями в России¹.

Основное назначение Академии состояло в подготовке кадров для военно-юридических органов. Выпускники Академии должны были служить в качестве членов военных судов, прокуроров и их помощников и следователей. Для обучения принимались офицеры звания не выше штабс-капитана гвардии и капитана прочих родов войск, прослужившие не менее четырех лет и имевшие среднее или высшее военное образование. Обучение длилось три года.

Можно выделить две главные особенности военно-юридического образования².

Во-первых, это неполнота правовой подготовки по сравнению с учебным планом юридического факультета университета. Из учебного плана были исключены почти все предметы общепрофессионального характера. Отсутствовало римское право. Из историко-правовых курсов была представлена только история русского права. В отраслевых дисциплинах была исключена теоретическая часть, вследствие чего слушатели сосредоточивались на изучении только действующего законодательства. Эта черта отразилась даже в названиях предметов, где чаще использовалось понятие «закон», а не «право». Более того, на практике в расписаниях название «военно-уголовные законы» заменялось другим – «военно-уголовный устав», и содержанием лекции или практического занятия становилось чтение самого устава.

Во-вторых, образование имело четко выраженную специализацию. Основное время слушателей отводилось на изучение уголовного права и процесса, административного права и процесса, на долю которых приходилось более половины от общего числа предметов. Мало того, учебное время было распределено таким образом, что львиная его доля посвящалась этим же предметам. Так, по уголовному праву читалось в неделю 13 лекций. Для сравнения: по истории русского права была только одна лекция в неделю³.

В результате некоторых изменений Академия предусматривала двухлетнее обучение слушателей в рамках общего юридического курса и годовой специальный курс. Первые два года изучались энциклопедия права, история русского права, судебная медицина, психология, государственное право иностранных держав, государственное право России, гражданское пра-

¹ Ежегодник Военно-юридической Академии. – 1881. – № 2. – С. 17.

² Пятьдесят лет специальной школы для образования высших законовевдов в России. – СПб., 1882. – С. 134.

³ Ежегодник Военно-юридической академии. – 1881. – № 4. – С. 224–225.

во, уголовное право, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, церковное право, полицейское право, финансовое право.

Как видим, перемены в содержании подготовки отражают стремление дать слушателям возможно полное юридическое образование. В учебном плане в большем или меньшем объеме появились многие «классические» курсы, среди которых стоит отметить курсы сравнительного и международного права, считавшиеся элементами функциональной подготовки. В рамках военно-уголовного права изучались не только история и догма русского военно-уголовного права, но и соответствующее законодательство крупнейших европейских государств¹.

Но в то же время сохранялась специализация Академии. По-прежнему не было римского права, не читались политическая экономия и статистика, торговое право. Правда, эти курсы были мало востребованы в практической деятельности выпускников Академии. Почти не изменился перечень специальных дисциплин. Зато учебная деятельность была усилена практическими занятиями, преимущественно по уголовному праву. По специальным дисциплинам в течение первого семестра начитывались лекции, а во втором семестре проводились практические занятия.

Было утверждено новое Положение о Военно-юридической академии. Вслед за ним появились Правила по учебной части, которые внесли изменения в учебный план. Согласно ст. 2 Правил по учебной части, предметы преподавания распределялись по классам следующим образом. В младшем классе (первый год обучения) изучались уголовное право, государственное право иностранных держав, гражданское право, история русского права, энциклопедия права, судебная медицина, психология и логика. В среднем классе (второй год обучения) преподавались уголовное право, уголовное судопроизводство, государственное право России, финансовое право, полицейское право, церковное право, международное право, гражданское судопроизводство, судебная медицина. В старшем классе изучались военно-уголовные законы русские и иностранных государств, военно-уголовное судопроизводство русское и иностранных государств, военно-административные законы, история русского военно-уголовного законодательства².

Резюмируя, можно констатировать, что в Академии не избежали соблазна усилить фундаментальность подготовки. Постоянно отмечалось стремление ввести научно-теоретическую подготовку по университетскому стандарту.

Таким образом, в начале XX века происходил прежде всего переход к модели умеренного утилитаризма в университетском юридическом образовании. Устав 1884 года, просуществовавший до 1917 года, на наш взгляд, нивелировал некоторые крайности предыдущего университетского закона и вполне может быть признан оптимально сочетающим как фундаментальность подготовки, так и профессиональную ориентированность.

Наряду с университетами в России сформировался сегмент специальных учебных заведений, имевших профессионально ориентированные программы. Это предопределило достаточно быстрое и органичное внедрение в их учебный процесс практических занятий, специальных курсов – другими словами, всего того, что в тот период характеризовало специальное юридическое образование. Однако воздействие ряда причин обусловило тенденцию усиления научной составляющей обучения, чтобы таким образом приблизить образование к стандартам университета.

¹ Журналы заседаний Конференции Военно-юридической академии с 1878 по 1889 годы. – СПб., 1889. – С. 114.

² Четвертое дополнение к Журналам конференции Военно-юридической академии с 18 сентября 1896 по 31 декабря 1907 год. – СПб., 1908. – С. 79.

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовое регулирование банков как участников правоотношений в нашей стране долгое время осуществлялось в основном административно-правовыми нормами. Однако с переходом к рыночной экономике складываются совершенно иные, новые отношения в гражданском обороте, усиливается роль частного права в регулировании банковской сферы и правового положения банка.

В подобных условиях появляется необходимость разработки новых подходов к определению концепции отношений с участием банков. Новейшее законодательство, и прежде всего Гражданский кодекс, сделали значительный шаг в установлении форм и методов регулирования банковской деятельности.

Специфика деятельности, осуществляемой банками, требует особого правового регулирования их статуса. С одной стороны, банк – специализированная организация, обладающая исключительным правом на осуществление ряда банковских операций. С другой стороны – банк является субъектом гражданских (как и предпринимательских) правоотношений, которые построены главным образом на принципах свободы договора и автономии воли.

В теории права под правовым статусом принято понимать юридически закрепленное положение личности в обществе. В структуру этого понятия входят следующие элементы: а) основные права и обязанности; б) законные интересы; в) правосубъектность; г) гражданство; д) юридическая ответственность; е) правовые принципы; ж) правовые нормы, устанавливающие данный статус; з) правоотношения общего (статусного) типа.

Набор правовых статусов велик, но в теоретическом плане наиболее существенное значение имеют следующие виды правового статуса:

- общий;
- специальный;
- индивидуальный¹.

С учетом вышеизложенного структура гражданско-правового статуса банка такова:

- правовой статус банка как юридического лица (т. е. общий гражданско-правовой статус);
- правовой статус банка как кредитной организации (специальный гражданско-правовой статус);
- правовой статус конкретного банка (т. е. индивидуальный правовой статус).

Банк как юридическое лицо (общий гражданско-правовой статус) – организация, которая имеет в собственности обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, имеет самостоятельный баланс.

В статье 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) указано, что кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество². Это означает, что ее участники имеют в отношении кредитной организации только обязательственные права. Имущество банка как юридического лица принадлежит ему на праве собственности.

¹ Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Мальк. – М.: Юристъ, 2004. – С. 199.

² О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

Поскольку основной целью банка является извлечение прибыли (как указано в ст. 1 Закона о банках), то банк (как и любая кредитная организация) является коммерческой организацией.

Банк действует на основании своего устава и разрешения (лицензии), выданного Центральным Банком России. Как и любое юридическое лицо, банк должен иметь полное фирменное наименование. В соответствии с п. 1 ст. 54 ГК РФ в наименовании юридического лица указывается организационно-правовая форма¹. В ст. 7 Закона о банках предусматривается, что кредитная организация имеет фирменное (полное официальное) наименование на русском языке, которое должно указывать на характер деятельности этого юридического лица посредством использования слова «банк». При этом использование в фирменном наименовании кредитной организации слов «Россия», «Российская Федерация», «государственный», «федеральный» и «центральный», а также образованных на их основе слов и словосочетаний допускается в порядке, установленном федеральными законами.

Банк как юридическое лицо также имеет свое место нахождения. В соответствии с п. 2 ст. 54 ГК РФ место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации. Государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – иного органа или лица, имеющего право действовать от имени юридического лица без доверенности.

Кредитная организация должна иметь устав, утверждаемый в порядке, предусмотренном федеральными законами (п. 3 ст. 98 ГК РФ). При этом примерная форма устава коммерческого банка, созданного в форме акционерного общества, установлена письмом Банка России от 15 апреля 1996 г. № 15-4-1/1342².

В соответствии с требованиями Федерального закона устав кредитной организации должен содержать: 1) фирменное наименование; 2) указание на организационно-правовую форму; 3) сведения об адресе (месте нахождения) органов управления и обособленных подразделений; 4) перечень осуществляемых банковских операций и сделок; 5) сведения о размере уставного капитала; 6) сведения о системе органов управления, в том числе исполнительных органов, и органов внутреннего контроля, о порядке их образования и об их полномочиях; 7) иные сведения, предусмотренные федеральными законами для уставов юридических лиц указанной организационно-правовой формы.

Кредитная организация обязана регистрировать в Банке России все изменения и дополнения, вносимые ею в свой устав. Банк России в месячный срок со дня подачи всех надлежащим образом оформленных документов принимает решение о регистрации изменений и дополнений в уставе кредитной организации.

Кроме того, Законом о банках детально определены и требования к уставному капиталу банков. Так, минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемого банка на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 300 миллионов рублей. Минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемой небанковской кредитной организации, ходатайствующей о получении лицензии, предусматривающей право на осуществление расчетов по поручению юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам, на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 90 миллионов рублей. Минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемой небанковской кредитной организации, ходатайствующей о получении лицензии для небанковских кредитных организаций, имеющих право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций, на день подачи ходатайства о госу-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² О примерном Уставе коммерческого банка: Письмо Банка России от 15 апреля 1996 года № 15-4-1/1342 // Вестник Банка России. – 1996. – № 18.

дарственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 18 миллионов рублей. Минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемой небанковской кредитной организации, не ходатайствующей о получении указанных лицензий, на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 18 миллионов рублей.

Банк как разновидность кредитной организации должен быть зарегистрирован соответствующим государственным органом. Кредитные организации регистрируются Банком России.

Стоит также отметить, что в Федеральном законе «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» от 23 декабря 2003 года № 177–ФЗ банк определен как кредитная организация, имеющая разрешение Банка России на привлечение во вклады денежных средств физических лиц и на открытие и ведение банковских счетов физических лиц, выдаваемое Банком России банкам в порядке, установленном Федеральным законом «О банках и банковской деятельности»¹.

Как видно, базисным критерием, позволяющим отличить банки от иных кредитных организаций, является наличие лицензии (разрешения) на привлечение денежных средств от физических лиц. Однако понятие, закрепленное в названном Федеральном законе, является ориентированным законодателем к специальным правоотношениям, связанным со страхованием вкладов физических лиц. При этом данное понятие нельзя рассматривать как заменяющее понятие банка, данное в Законе о банках.

Гражданско-правовой статус банка как кредитной организации (специальный гражданско-правовой статус) проявляется в его правомочиях, установленных в Законе о банках. В соответствии со ст. 1 указанного акта банк является кредитной организацией, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Именно в этой возможности, как отмечается в литературе, и состоит специальный гражданско-правовой статус банков².

Таким образом, специальная правоспособность означает, что юридическое лицо как субъект предпринимательской деятельности может осуществлять только те виды деятельности, которые предусмотрены уставом. Следовательно, банк как юридическое лицо может быть участником только тех правоотношений, которые обусловлены этими видами деятельности.

Законодательство предусматривает, что определенные виды предпринимательской деятельности являются правомерными только в том случае, если они осуществляются на основе соответствующей лицензии. Кредитные организации действуют на основе лицензий, выданных Банком России.

В то же время следует отметить, что банк как кредитная организация является также объектом банковского надзора, пределы которого четко очерчены главой X Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³. Банк России должен осуществлять надзор за тем, как кредитная организация соблюдает банковские законы, финансовые нормативы и требования нормативных актов Банка России. При этом Банк России анализирует и то, насколько кредитная организация соблюдает нормы гражданского права, но только в той части, в какой это связано с проверкой соблюдения кредитной организацией банковских правил, поскольку гражданско-правовые отношения чаще всего являются теми

¹ О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: Федеральный закон от 23 декабря 2003 года № 177–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5029.

² Балкаров А. Банк один, статуса два // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 28. – С. 7.

³ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

юридическими фактами, которые, как уже об этом было сказано, порождают банковские правоотношения.

Поэтому, чтобы Банк России в процессе банковского надзора мог, например, проверить соблюдение кредитной организацией экономических нормативов, он должен помимо всего прочего изучить для начала кредитные договоры и те условия, которые ими предусмотрены. Однако цель такого анализа – определение правильности банковского учета и других фактов, которые предусмотрены банковским правом и, следовательно, могут стать предметом надзора и инспектирования со стороны Банка России.

Что касается *индивидуального правового статуса банка*, то он фиксирует конкретику каждого отдельного банка и представляет собой совокупность его персонифицированных прав и обязанностей (например, конкретный набор банковских операций и других сделок). Индивидуальный правовой статус подвижен, динамичен, он меняется вместе с теми изменениями, которые происходят в хозяйственной деятельности банка.

В рамках настоящей статьи нелишним будет затронуть вопрос о соотношении гражданско-правового и финансово-правового статусов банка. Говоря об отличительных чертах финансово-правового и гражданско-правового статусов банков, следует отметить, что специфическим признаком, на основе которого можно сравнить финансово-правовой и гражданско-правовой статусы, является степень участия государства в их установлении. Применительно к гражданско-правовому статусу банков стоит отметить, что здесь нет такой степени вмешательства, которая характерна для финансово-правового статуса. Субъекты в гражданском обороте при установлении гражданских прав и обязанностей прежде всего руководствуются своей волей и действуют в своих интересах. Основным юридическим фактом, влекущим возникновение гражданских прав и обязанностей, являются гражданско-правовые договоры, в числе которых – договоры банковского вклада, банковского счета, банковской гарантии и т. д.

Еще одним признаком при проведении сравнительного анализа финансово-правового и гражданско-правового статусов банка является преследуемый интерес при их установлении. В финансово-правовом статусе такой интерес является публичным, поскольку нормы, устанавливающие этот статус, регулируют и охраняют интересы не самого банка, а интересы общества и государства. Более того, установление этого статуса может даже противоречить интересам самого банка (например, обязанность уплаты налогов).

Не менее важным признаком, на основе которого можно сравнить финансово-правовой и гражданско-правовой статусы, является юридическая ответственность, которая также является элементом правового статуса юридического лица. Гражданско-правовая ответственность носит прежде всего компенсационный характер: возмещение вреда (реальный ущерб и упущенную выгоду), компенсацию морального вреда, неустойку и проценты за пользование чужими денежными средствами. Кроме того, в отличие от финансово-правовой ответственности, которая всегда устанавливается государством, отдельные виды гражданско-правовой ответственности могут устанавливаться и самим банком в договоре (например, неустойка).

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ
ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОШИБКИ»
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СТРАХОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Несмотря на большую значимость данного вопроса для всех участников страхового правоотношения, в законодательстве отсутствуют определения «профошибка», «профессиональные небрежные действия», «упущения». В специальной литературе также нет единого мнения по данному вопросу.

Одни авторы считают, что понятие профессиональной ошибки включает в себя одновременно и профессиональные небрежные действия, и профессиональные упущения¹, указывая на их объединяющий признак – они вызываются невнимательностью, неосмотрительностью либо небольшим опытом соответствующего специалиста².

Другие авторы разводят данные понятия. В частности, под профессиональной небрежностью понимается необеспечение необходимой степени осторожности, неприменение необходимых знаний или навыков, которыми должен обладать профессионал, также она (профессиональная небрежность) является невиновным действием³. Под профессиональной ошибкой понимают нарушение правил и стандартов профессиональной деятельности, а под упущением – неосуществление должного профессионального поведения. Данные действия рассматриваются как виновное поведение лица, осуществляющего профессиональную деятельность⁴.

На наш взгляд, автор смешивает объективную и субъективную стороны правонарушения, так как профессиональная небрежность, следуя данной логике, должна выражаться в нарушении правил и стандартов профессиональной деятельности и, как следствие, в неосуществлении должного профессионального поведения.

Проблему также усугубляют многообразие профессиональных ошибок, их неопределенность, отсутствие в юридической литературе их классификации и критериев.

Слово «ошибка», согласно толковому словарю русского языка В. И. Даля, определяется как погрешность, неправильность, неверность, промах, огрех; обмолвка либо недоразумение; ошибочное распоряжение или поступок; неумышленный проступок или невольное, ненамеренное искажение чего-либо⁵. С. И. Ожегов определяет ошибку как неправильность в действиях, мыслях⁶.

¹ См.: Гриценко Н. Б. Методологические и организационные основы страхования ответственности при осуществлении профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 78.

² См.: Курпякова С. И., Попова Т. А. Некоторые вопросы страхования ответственности аудиторов при осуществлении обязательного аудита // Адвокат. – 2005. – № 12. – С. 64.

³ См.: Тулинов В. В., Горин В. С. Страхование и управление риском: терминологический словарь. – М.: Наука, 2000. – С. 23.

⁴ См. Сотников С. А. Страхование профессиональной ответственности топ-менеджеров: правовые аспекты. Правовые проблемы страховых правоотношений // Хозяйство и право. – 2010. – № 12. – С. 41–48.

⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1998. – С. 678.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2008. – С. 626, 478.

В современных словарях русского языка понятие «ошибка» несколько уточняется и определяется неоднозначно, например, как:

- 1) неправильность в какой-либо работе, вычислении, написании и т. п.¹;
- 2) неправильное действие, ошибочный поступок².

В «Большом толковом психологическом словаре» приводятся шесть значений термина «ошибка»:

- 1) отступление от правильной модели;
- 2) ошибочное убеждение;
- 3) состояние, когда кто-то придерживается ошибочного убеждения;
- 4) в статистике – отклонение от истинного значения;
- 5) в эксперименте – любое изменение зависимой переменной, вызванное факторами, отличными от варьирования независимой переменной;
- 6) неадекватная или неправильная реакция³.

Понятие «ошибка» всегда относится к действиям человека. Таким образом, неправильный результат рассматривается как следствие неправильности в мыслях, в действиях человека. По снижению количества ошибок при выполнении действий судят, в частности, о мере обученности, подготовленности человека в той или иной профессии или сфере деятельности⁴.

Существуют следующие классификации ошибок, возникающие в профессиональной деятельности:

- 1) ошибки, допускаемые персоналом под воздействием внешних обстоятельств или при неблагоприятном влиянии окружающей, в том числе социальной, среды;
- 2) ошибочные действия, являющиеся результатом или следствием внутренних причин (возникающие из-за особенностей психофизиологического, эмоционального состояния и иных индивидуальных качеств личности самого профессионала)⁵.

Н. Б. Грищенко классифицировал профессиональные ошибки в зависимости от области их появления:

- 1) функциональные (предметно-технологические) области проявления профессиональных ошибок: объект, предмет, способы и средства профессиональной деятельности;
- 2) личностные: несоответствие способностей, психики, реакции специалиста профессиональным навыкам и требованиям, предъявляемым профессией;
- 3) факторы, оказывающие внешнее воздействие на наступление и последствия ошибок специалистов, в частности, несовершенство законодательства, неполнота информации, изменение политической ситуации, действие непреодолимой силы;
- 4) социальные, включающие в себя моральную и юридическую оценки профессиональной ошибки.

Проблематика, связанная с юридической оценкой ошибки при совершении социально значимого деяния, не является новой для правовой науки. Отдельные ее аспекты рассмат-

¹ Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова // URL: <http://ushdict.narod.ru>

² Там же.

³ См.: Большой толковый психологический словарь: в 4 т. Т. 1 (А–О) / пер. с англ. – М.: Вече; АСТ, 2000. – С. 587–590.

⁴ См.: Климов Е. А. Основы психологии: учебник для вузов. – М., 1997. – С. 191–194.

⁵ См.: Сухоруков М. М. Типичные ошибки, допускаемые в страховом деле // Управление в страховой компании. – 2009. – № 3. – С. 39–42.

ривались в работах В. Варкалло, О. Б. Гусева, Б. Д. Завидова, И. Н. Полякова, А. Я. Светлова, Ф. А. Селиванова, А. А. Сыроватской, А. П. Чиркова, В. А. Якушина и других ученых¹.

Основные конституирующие признаки понятия «профессиональная ошибка».

1. Это действие (бездействие), связанное с ненадлежащим выполнением определенных профессиональных функций, повлекшее вред или убытки.

Само понятие «ошибочный» определяется как содержащий в себе ошибку; неправильный, неверный. Из этого можно заключить, что наряду с событием «неправильности» непременно предполагается существование противоположной категории – «правильности» в действиях, поступках, суждениях. Понятие «правильный» в русском языке имеет несколько смысловых оттенков: основанный на правилах, происходящий по правилам, соответствующий правилам; соответствующий установленному порядку, требованиям; верный, истинный, соответствующий действительности и др.² Именно исходя из возникшего (выявленного) расхождения между предполагаемым правильным (эталонным) и иным действием делается вывод о том, что действие ошибочно.

Таким образом, результат, который получается в результате профессиональных действий, характеризуется несоответствием его существенным признакам, свойствам и пр., уменьшает его достоинство, то есть является некачественным.

В литературе³ существует точка зрения, согласно которой оценка результата деятельности профессионала должна производиться путем его сопоставления с поставленной целью. При недостижении или неполном достижении целей деятельности возникают основания для ответственности.

Если речь идет об овеществленном результате деятельности, то данный критерий может быть приемлем. Если профессионал выполняет деятельность в рамках оказания услуг, то исходя из правовой характеристики услуги признак достигнутой цели в каждом конкретном случае лишь подразумевается, но не является обязательным.

Обратимся к судебной практике. Так, по одному из дел, рассмотренных Советским судом г. Волгограда, истица просила, ввиду некачественности медицинской услуги, уменьшить сумму расходов, понесенных ею для оплаты операции мужа, в результате которой он умер. В частности, в исковом заявлении она указывала, что исполнитель обязан оказать услугу, качество которой подтверждается договором. В договоре пункта о качестве услуги не содержалось, не было указания на соответствие услуги каким-либо стандартам, следовательно, исполнитель обязан был оказать услугу, пригодную для целей, для которых услуга такого рода обычно используется. Цель операции – продление жизни человека. Итогом проведения данной операции явилась смерть, следовательно, по мнению истицы, операция была проведена некачественно. Суд отказал в иске, указав, что были выполнены все необходимые методы исследования с учетом специфики операционного вмешательства и состояния здоровья пациента. Операция, выполненная пациенту, полностью соответствует

¹ См.: Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву: возмещение вреда – функции, виды, границы. – М., 1978. – С. 45; Завидов Б. Д., Гусев О. Б. Защита гражданских прав по законодательству России // Арбитражный и гражданский процесс. – 2000. – № 1. – С. 78; Чирков А. П. Ответственность в системе права: учебное пособие. – Калининград, 1996. – С. 42.

² См.: Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова. – С. 671.

³ См.: Сотников С. А. Страхование профессиональной ответственности. – С. 89.

стандартам и методикам мировой кардиохирургической практики, следовательно, эти факты указывают на то, что медицинская услуга была оказана надлежащего качества¹.

В данном случае определение качества произошло через необходимую оценку соответствия действий врачей стандартам и оценку медицинских мероприятий, которые в этом случае произвел исполнитель.

Под качеством услуги в юридической литературе подразумевается «совокупность свойств и характеристик продукции или услуг, которые определяют их способность удовлетворять установленным или предлагаемым требованиям»² или «совокупность характеристик услуги, определяющих меру ее полезности для потребителя»³.

Законодатель не дает определение надлежащего качества оказанной услуги. Предусмотренный законодателем в ст. 783 ГК РФ правовой механизм оценки качества услуг и последствий обнаружения недостатков малоэффективен.

Ввиду того, что оценка качества профессиональной деятельности имеет юридические последствия, определение качества должно осуществляться через соответствие ее установленным правилам, стандартам деятельности и т. д., в том числе и принятым в саморегулируемых организациях. В соответствующих документах должны быть представлены методики, методы и способы осуществления определенных действий (в частности, проведения оценки бизнеса, оказания медицинской услуги, аудиторской проверки и т. п.).

Вследствие этого необходимо согласиться с мнением, высказанным в литературе, что исходя из сущности профессиональной деятельности должны быть разработаны национальные стандарты, что исключит «возможность региональных и местных стандартов»⁴.

Процессы стандартизации профессиональной деятельности, свойственные экономически развитым странам, формируют ориентиры совершенствования данной деятельности, самоконтроля в деятельности работника, обеспечения защиты населения от некачественного производства работ (услуг), формирования адекватного ресурсного обеспечения.

Конечно, существуют виды деятельности, такие как медицинские услуги, которые требуют профессионального подхода в соответствии с индивидуальными особенностями каждого конкретного организма и с учетом последних достижений медицинской науки (которые еще не заложены в стандартах). Но и в отношении них должны быть установлены минимальные обязательные требования к медицинской услуге, в основном запрещающего характера. Все остальные требования должны иметь рекомендательный характер. Врач должен иметь право и в то же время обязанность подходить к каждому больному индивидуально с единственной целью добиться изменения состояния здоровья пациента в желательном направлении⁵.

В праве услуга не имеет отчуждаемого результата, поэтому нельзя проверить то, что отсутствует. Как представляется, под проверкой оказанной услуги необходимо понимать

¹ Дело № 321/2003, рассмотренное Советским судом г. Волгограда // Архив Советского суда г. Волгограда.

² См.: Найгавзина Н. Б., Аставецкий А. Г. Качество медицинской помощи и его экспертиза // Экономика здравоохранения. – 1998. – № 1. – С. 7.

³ См.: Голузов Г. Н., Шиленко Ю. В., Леонтьев В. К. Система гарантий качества в здравоохранении // Экономика здравоохранения. – 1998. – № 2. – С. 35.

⁴ Зимин В. С. Особое мнение об «экспертизах» отчетов об оценке, стоимости объектов оценки и экспертах-оценщиках // URL: <http://www.appraiser.ru>

⁵ См.: Велков А. И. Состояние стандартизации в здравоохранении России // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 1999. – № 1. – С. 6.

проверку совершения определенных операций, входящих в предмет деятельности, совершенных профессионалом в процессе оказания услуги. Следовательно, именно минимальный набор необходимых действий, совершаемых профессионалом при оказании тех или иных услуг, и должен быть закреплен нормативно в правилах и стандартах.

Ненадлежащие профессиональные действия (профессиональная ошибка, профессиональная небрежность) должны иметь следствием причинение вреда или убытков. Как справедливо было отмечено Ю. Б. Фогельсоном, причинение вреда (убытков) должно являться следствием страхового случая, иными словами, наступление страхового случая и факт причинения вреда заинтересованному лицу – это разные события, которые должны быть связаны друг с другом как причина и следствие¹.

Предположим, что лицо, застраховавшее свою профессиональную ответственность, допустило небрежность или упущение при осуществлении своей деятельности (например, юрист утратил переданные ему клиентом документы, необходимые для ведения судебного дела), однако суд был успешно выигран и в отсутствие указанных документов. В данном случае мы не можем говорить о профессиональной небрежности, повлекшей наступление страхового случая.

2. Профессиональная ошибка – это непреднамеренное действие.

В литературе не существует единое мнение по поводу того, является ли «профессиональная ошибка» виновной.

Большинство авторов полагают, что профессиональная ответственность всегда наступает при наличии неосторожности².

По мнению Н. Б. Грищенко, профессиональная ошибка – случайное, непреднамеренное отклонение фактических результатов профессиональной деятельности от ожидаемых, имеющее отрицательные последствия для ее субъектов и выступающее основанием для привлечения к юридической ответственности профессионального лица в случае его вины³.

Категория «профессиональная ошибка» именно ввиду ее противопоставления небрежности и халатности наиболее исследована в трудах, посвященных ответственности медицинских работников.

В частности, Ю. Ф. Ибатулина считает, что в основном документе об охране здоровья граждан, хотя и предоставлено право медицинским работникам на страхование профессиональных ошибок, но в указанном праве содержится оговорка о том, что профессиональные ошибки медицинских работников никоим образом не должны быть связаны с небрежным либо халатным выполнением ими профессиональных обязанностей⁴. Из указанного можно сделать вывод, что при врачебных ошибках должны быть полностью исключены субъективные факторы ненадлежащего исполнения обязанностей со стороны медицинских работников.

¹ См.: Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству. – М., 2000. – С. 44.

² См.: Ситдикова Л. Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание консультационных услуг. – М.: Юрист, 2007. – С. 60; Курпякова С. И. Попова Т. А. Некоторые вопросы страхования ответственности аудиторов при осуществлении обязательного аудита // Адвокат. – 2005. – № 12. – С. 79.

³ См.: Грищенко Н. Б. Страховая экспертиза профессиональных ошибок // Страховое право. – 2004. – № 4. – С. 12.

⁴ См.: Ибатулина Ю. Ф. Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинскими работниками и врачебная ошибка: уголовно-правовой аспект // Российский следователь. – 2010. – № 1. – С. 12–15.

По мнению Ю. Д. Сергеева, С. В. Ерофеева¹, А. В. Сучкова², И. В. Давыдовского³, для наступления правовой ответственности медицинских работников, в том числе и при наличии профессиональной ошибки, необходимо одновременное наличие всех необходимых и достаточных условий, характеризующих правонарушение: причинение вреда, противоправность поведения, причинно-следственная связь между вредом и противоправным поведением, вина причинителя вреда.

В соответствии с позицией Я. А. Фроловой, Л. В. Канунникова, Е. В. Фроловой медицинская ошибка включает в себя как признаки невиновного деяния (причинение вреда при отсутствии вины; причинение вреда при отсутствии ответственности), так и признаки преступления – противоправное виновное деяние⁴.

Учитывая многофакторность и многопрофильность профошибок, необходимо разобратся в употребляемых законодателем терминах.

Небрежность (грубая, легкая) – отход от требуемой внимательности (заботливости, предусмотрительности, осторожности) во время совершения определенного действия.

Халатность – небрежность и недобросовестность в выполнении совершаемого действия.

Упущение, недосмотр, просчет, оплошность – разновидности небрежности⁵.

Все данные действия имеют характер непреднамеренных (то есть отсутствует прямой умысел), но характеризуют виновное поведение лица.

Они могут выражаться в непроведении или неполном проведении необходимых методов обследования больного; неиспользовании современных методик оценки; составлении нотариального акта с орфографическими ошибками в названии субъекта; пропуске срока на кассационное обжалование и т. д., то есть снижать качество выполненной работы, услуги и обуславливаться субъективными факторами: недостатком базовых знаний, нежелании профессионального совершенствования, невнимательностью и т. д.

Ошибка с точки зрения философии рассматривается как результат действия, совершенного неточно или неправильно, вопреки плану, то есть результат, который получен, не соответствует намеченным или заданным, требуемым целям⁶.

Если следовать вышеприведенному понятию ошибки, то некачественный результат, который был получен в результате халатного (небрежного) совершения профессионального действия, мы должны будем назвать ошибкой⁷.

¹ См.: Сергеев Ю. Д. Судебно-медицинская экспертиза по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 1988. – С. 67.

² См.: Анализ дефиниций понятия «врачебная ошибка» с целью формулирования определения «профессиональные преступления медицинских работников» // Медицинское право. – 2010. – № 5. – С. 45–50.

³ См.: Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // Советская медицина. – 1941. – № 3. – С. 3–10.

⁴ См.: Фролов Я. А., Канунникова Л. В., Фролова Е. В. О правовых проблемах врачебной (медицинской) ошибки // Медицинское право. – 2003. – № 2. – С. 22–23.

⁵ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка; Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1999. – С. 561.

⁶ См.: Стрелков Ю. К. Ошибка человека. Концепция ошибки / Факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/public/strelkov/glava1.html>

⁷ Именно такой смысл вкладывается в понятие ошибки нотариусов в «Методических рекомендациях по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей» (утв. Решением Правления ФНП от 17 июня 2005 года, Протокол № 04/05: см.: Нотариальный вестник. – 2005. – № 9. – С. 3–5).

Однако, по-видимому, законодатель вкладывает другой смысл в данное понятие, употребляя халатность, небрежность, упущения и ошибку в одном семантическом ряду.

Профессиональная ошибка прежде всего характеризуется добровольным заблуждением (как ложное суждение или система суждений, принимаемых за истину) профессионала, которое основано на объективных факторах (несовершенство современного состояния науки и методов ее исследования, особенности течения заболевания определенного больного, непреднамеренность нанесения вреда здоровью человека в связи с проведением оправданных диагностических, лечебных и профилактических мероприятий¹, выбор способа защиты при конкуренции исков, решения, не повлекшие ожидаемых и планируемых результатов в силу неправильно выбранных средств и способов их реализации, или даже решения, которые изначально по своим целям не были приняты к выгоде компании², и т. д.).

Добросовестное заблуждение следует рассматривать исключительно в контексте с основаниями заблуждения, а также ограничивающими и объективно поддающимися установлению и проверке элементами, определяющими отсутствие умысла, неосторожности.

Данное действие профессионала хотя и имеет своим результатом вред или убытки, но является невиновным действием.

Таким образом, профессиональная ошибка – это неправомерное деяние (бездействие) профессионала, явившееся результатом его добросовестного заблуждения, повлекшее вред или убытки для клиентов.

В свою очередь, профессиональная небрежность (упущение) – это неправомерное действие (бездействие) профессионала, явившееся результатом субъективных факторов (недостаток базовых знаний, нежелание профессионального совершенствования, невнимательность и т. д.).

¹ См.: Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // Советская медицина. – 1941. – № 3. – С. 3.

² См.: Широков А. В. Правовые вопросы страхования ответственности директоров и иных должностных лиц // Предпринимательское право. – 2007. – № 4. – С. 17.

ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ДОГОВОРА КАК ИСТОЧНИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Для того чтобы определить и охарактеризовать какой-либо источник административного права, во-первых, нужно точно понимать, что есть источник права.

Понятие «источник права» уже в античное время использовалось многими исследователями (Тит Ливий, Цицерон) в смысле основы, на базе которой получает развитие право любой страны¹. В наше время под источником права принято понимать способы придания официальной юридической силы правилу поведения и ее внешнее официальное выражение.

Во-вторых, нормы права возникают не самопроизвольно, они вырабатываются, формулируются в результате сознательно-волевой деятельности людей на основе существующего в данном обществе уровня юридического сознания, а затем включаются как статьи, параграфы, пункты и т. д. в акты государственных и муниципальных органов.

Таким образом, источниками административного права являются акты государственных органов, в которых содержатся административно-правовые нормы.

Как правило, к формально-юридическим источникам административного права, применительно к правовому полю Российской Федерации, относят: нормативно-правовой акт, нормативный договор, правовой обычай, что характерно для системы романо-германского права². Наибольшие споры вызывает вопрос о допустимости рассмотрения в качестве источника административного права юридического прецедента³.

Характерной чертой административного права является наличие значительного количества его источников: законов и подзаконных актов. Существует значительное количество чисто административно-правовых источников. Но в то же время много и «смешанных», многоотраслевых, в которых одновременно могут быть нормы разных отраслей права (например, административного и трудового, административного и гражданского). Источники административного права формируются как на федеральном, так и на региональном уровнях, так как, согласно ст. 72 Конституции РФ, административное и административно-процессуальное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. На основании ст. 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации.

В юридической литературе можно встретить различные классификации источников административного права.

Так, по мнению М. Л. Романова, система источников административного права выглядит следующим образом⁴:

На федеральном уровне:

1. Конституция РФ.
2. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ.
3. Постановления Конституционного Суда РФ.

¹ Иванов С. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта Российской Федерации: монография. – М.: Народный учитель, 2002. – С. 61.

² Ромашов Р. А. К вопросу о предмете и источниках административного права России // Административное право и процесс. – 2006. – № 3.

³ Тоненкова О. А. Судебная практика как источник административного права // Административное право и процесс. – 2010. – № 2.

⁴ Романов М. Л. Решения Конституционного Суда России в системе источников административного права // Административное право и процесс. – 2006. – № 2. – С. 25.

4. Федеральные конституционные законы.
5. Федеральные законы, включая законы РФ и РСФСР, кодексы РФ и основы законодательства РФ.
6. Нормативные указы Президента РФ.
7. Нормативные акты палат Федерального Собрания РФ.
8. Нормативные постановления Правительства РФ.
9. Нормативные акты федеральных органов исполнительной власти (постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения).
10. Нормативные акты некоторых федеральных государственных органов с особым статусом (например, Центральный банк РФ).

На региональном уровне:

1. Конституции (уставы) субъектов РФ.
2. Постановления конституционных (уставных) судов субъектов РФ.
3. Законы субъектов РФ.
4. Нормативные акты высших должностных лиц субъектов РФ.
5. Нормативные акты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ.
6. Нормативные акты высших (коллегиальных) исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.
7. Нормативные акты органов исполнительной власти субъектов РФ отраслевой и функциональной компетенции.

На муниципальном (местном) уровне:

1. Уставы муниципальных образований.
2. Нормативные акты представительных органов муниципального образования.
3. Нормативные акты главы муниципального образования.
4. Нормативные акты местной администрации.

При всей своей развернутости и полноте данная система источников административного права игнорирует такой источник административного права, как административный договор.

В то же время анализ специальной юридической литературы в области административного права позволяет с определенной уверенностью утверждать, что административный договор занимает полноценное место среди источников административного права.

Стоит отметить, что ряд авторов включает административный договор в систему источников административного права. Так, Д. Н. Бахрах предлагает свое видение системы источников административного права.

Он делит все источники российского административного права на два типа в зависимости от того, кто их принял:

- 1) акты российских органов публичной власти;
- 2) акты, принятые без участия или с участием российских органов публичной власти.

Очевидно, что преобладают акты первого типа. Среди них такие разновидности (классы) актов российских органов, как:

- акты, принятые на основе референдума и законодательных органов;
- акты Президента РФ;
- акты органов исполнительной власти и исполнительных муниципальных органов, а также акты государственных органов, не отнесенных Конституцией РФ ни к одной из трех ветвей государственной власти (Банка России, Прокуратуры РФ, Пенсионного фонда РФ и др.);

– акты государственных органов, не отнесенных Конституцией РФ ни к одной из трех ветвей государственной власти (Банка России, Прокуратуры РФ, Пенсионного фонда РФ и др.);

- федеративные и административные договоры;
- акты правосудия¹.

¹ Бахрах Д. Н. Административное право России. – М., 2006. – С. 42.

На наш взгляд, любой источник административного права должен отвечать ряду основных признаков, а именно: иметь внешнее выражение (форму), «нести» в себе веление государственной власти, формировать определенные правила поведения, иметь связь с государством (правовые нормы принимаются только государством), способность охраны мерами государственного воздействия (в случае несоблюдения возможны меры принудительного характера).

Проанализируем административный договор как источник административного права с учетом вышеобозначенных признаков.

В самом общем виде административный договор – это соглашение двух или более субъектов административного права, одним из которых в обязательном порядке является государственно-властный субъект, нормативной базой соответствующего соглашения являются нормы административного права, цель соглашения – удовлетворение публично-правовых интересов. Правовой режим такого договора содержит административно-правовые элементы, которые не свойственны частному праву. Такое соглашение является юридическим фактом, заключение его означает возникновение административного правоотношения, влекущее установление, изменение или прекращение административных прав и обязанностей субъектов административного договора. С его помощью нормы административного права воплощаются в жизнь, осуществляется перевод абстрактных юридических предписаний в конкретные правоотношения.

Административный договор заключается путем составления одного документа, подписанного сторонами. Это наиболее распространенная форма договора. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должна соответствовать данная форма сделки, а также предусматриваются юридические последствия несоблюдения соответствующих требований.

Письменная форма договора предполагает не только составление одного документа, подписанного сторонами, но и обмен документами путем использования почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Это создает возможность оперативного заключения договора. Но при этом он должен быть заключен в форме, доступной для восприятия. Подписывает договор лицо, имеющее право на его заключение. Но при совершении сделок возможно использование факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронно-цифровой подписи либо иного аналога собственноручной подписи.

Договор оформляется в необходимом количестве экземпляров, которые передаются сторонам. Административный договор должен содержать набор необходимых реквизитов и элементов. С момента придания договору установленной формы он считается заключенным, а административно-договорные отношения возникшими.

Именно такие заключенные в установленной форме административные договоры и являются внешне выраженной формой, входящей в систему источников административного права.

Преследуя цель настоящего исследования, проанализируем способность административного договора быть источником административного права сквозь призму признаков способности «нести» в себе веление государственной власти, а также способности формировать определенные правила поведения.

Так, профессор Б. В. Покровский в свое время указал на ряд особенностей, которые свойственны административному договору:

- 1) сторонами административного договора выступают органы государственного управления;
- 2) предметом договора являются действия, представляющие собой реализацию их планово-организационных функций;
- 3) договор порождает права и обязанности сторон, дополнительные к их компетенции;

4) сфера договора – область государственного управления¹.

На интересующие нас особенности административного договора как источника входящего в систему административного права, указывали и другие исследователи.

Административные договоры должны включать в качестве обязательных следующие условия их заключения:

- удовлетворение общественного (публичного) либо государственного интереса;
- определение административного (публичного) режима реализации определенных задач и функций²;
- административные договоры имеют, как правило, организационное содержание (управленческий характер), их целью является достижение общественно значимых результатов;
- применительно к административным договорам законодатель применяет такие формулировки, как «государственные нужды», «федеральные нужды», «национальные интересы Российской Федерации».

М. И. Пискотин отмечает, что административные договоры являются средством реализации управленческих задач и функций³. В своих суждениях автор исходит из того, что административный договор выступает особым средством государственного управления в определенной области общественной жизни. Заключая административный договор, государственные органы действуют на основе норм административного права, реализуют публичные цели и функции.

Д. Н. Бахрах также придерживается аналогичной точки зрения. Он считает, что: административный договор – это форма реализации административной власти⁴. Идеи о том, что административный договор является формой реализации управленческой деятельности, основаны на управленческой практике органов исполнительной власти по заключению и исполнению административных договоров. Примером этого может служить достаточное количество заключенных на сегодняшний день в Российской Федерации административных договоров⁵.

Цель, которую преследует орган исполнительной власти, заключая административный договор, – удовлетворение публичных интересов, решение общесоциальных задач.

Таким образом, цель заключения административного договора, а также его способность служить средством реализации управленческих задач и функций, при помощи которых государство регулирует определенные общественные отношения, наделяют его способностью «нести» в себе веление государственной власти, что, в свою очередь, также свойственно для источника административного права.

Как источник административного права административный договор несет в себе определенный набор правил поведения. Данные правила поведения, как правило, распространяются на конкретный субъектный состав, а именно на тех лиц, которые его заключили.

Соответствующие правила поведения субъектов административного договора вытекают из содержания административного договора, в частности из их юридических прав и юридических обязанностей сторон.

Соответствующие юридические права и обязанности могут как устанавливаться законом (в обязательном порядке подлежат включению в текст административного договора), так и включаться в текст договора по соглашению сторон. В каждом конкретном административном договоре может существовать индивидуальный набор прав и обязанностей сторон.

¹ Покровский Б. В. Договор в народном хозяйстве. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 68.

² Розенфельд В. Г., Стариков Ю. Н. Проблемы современной теории административного договора // Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 12.

³ Пискотин М. И. Понятие и виды форм государственного управления // Советское административное право. – М., 1990. – С. 151.

⁴ Бахрах Д. Н. Административное право. – М., 1996. – С. 136.

⁵ См. подробней Остапенко И. А. Теория административного договора: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – С. 48–49.

Поэтому содержание административно-договорных правоотношений сводится к наделению сторон взаимными правами и обязанностями (юридическая сторона) и осуществлению этих прав и обязанностей в реальных действиях (фактическая сторона).

Такой признак, как связь с государством, для административного договора проявляется в том, что одной из сторон административного договора в обязательном порядке будет являться орган исполнительной власти, способный на заключение подобного рода соглашений. Поэтому для того, чтобы возникли административно-договорные отношения, орган исполнительной власти должен обладать правом заключать административные договоры. В одних случаях такое право может быть безусловным, в других требуется предварительное или последующее одобрение вышестоящего органа. Возможен вариант, при котором орган власти не имеет права самостоятельно вступать в административно-договорные отношения, однако обязан заключить договор при прямом указании вышестоящего органа. Обязанность заключить договор может быть также возложена на государственный орган законом. В любом случае жесткая нормативная регламентация права государственно-властного субъекта на участие в административно-договорных правоотношениях соответствует публичной природе как самого органа власти, так и административного договора.

Таким образом, административные договоры могут заключаться как между государственно-властными субъектами («внутриаппаратные», «внутриорганизационные»), так и между государственно-властными субъектами, с одной стороны, и гражданами, организациями – с другой («внешние»).

Кроме этого, связь с государством проявляется у административного договора и в том, что сама возможность заключения административного договора, а также его содержание, цель заключения, субъектный состав содержатся в том или ином нормативно-правовом акте (ФЗ «О концессионных соглашениях»; ФЗ «О государственной службе российского казачества»; ст. 12–20 Водного кодекса РФ; ст. 60 Жилищного кодекса; Закон города Москвы от 28 марта 2001 года № 11 «О договорах и соглашениях города Москвы»; Закон Волгоградской области от 2 марта 2010 года № 2010-ОД «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Волгоградской области» и др.)¹.

При неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по административному договору невластной стороной договорных отношений орган исполнительной власти вправе расторгнуть его в одностороннем порядке и применить к виновной стороне предусмотренные законом и/или договором санкции. Санкции, которые органы управления вправе применять в отношении своего партнера по договору, могут в каждом конкретном случае различаться. В целом применяемые санкции могут сводиться к следующим мерам: различные имущественные санкции, лишение специальных налоговых льгот, выданной лицензии, финансовые санкции, расторжение договора. В то же время при расторжении административного договора органом исполнительной власти по собственной инициативе, а не из-за виновных действий другой стороны другая сторона имеет право только на определенное «финансовое равновесие», то есть на возмещение своих прямых убытков. Таким образом, повышенный размер ответственности (по сравнению с гражданско-правовыми договорами) для невластной стороны способствует исполнению заключенного договора надлежащим образом, и именно в данной форме проявляется охрана государственного интереса, заложенного в административном договоре от его неисполнения контрагентом.

Таким образом, административный договор отвечает всем основным признакам источника административного права, а именно имеет внешнее выражение (форму), «несет» в себе веление государственной власти, формирует определенные правила поведения для исполнения, имеет связь с государством, в связи с чем в полной мере является источником системы административного права.

¹ См. подробнее Остапенко И. А. Элементы административного договора в законодательстве Российской Федерации // Мы и право: научно-практический журнал. – 2011. – № 2 (11); Остапенко И. А. Элементы административного договора в региональном законодательстве // Бизнес. Образование. Право: Вестник Волгоградского института бизнеса. – Волгоград, 2011. – № 4 (17).

В то же время административный договор как источник административного права имеет свои особенности, отличающие его от иных источников административного права.

Так, административный договор как специфический источник права отличается более гибким подходом в определении круга субъектов, имеющих право на его разработку и заключение, более гибким способом решения вопросов для достижения общественно значимых результатов в тех областях, где прямое командное воздействие может быть малоэффективным.

Также отличительной особенностью этого источника права является то, что он направлен на создание, изменение и прекращение таких прав и обязанностей, которые либо дополняют и развивают действующие нормы права, либо вводят новые правила, которые не могут противоречить действующим законам и не должны выходить за границы той сферы, которая определена компетенцией государственного органа, его заключающего. Положения договоров распространяются только на круг адресатов, определенных в договоре. Юридическую силу административному договору придает закон, в котором закреплены возможность заключения подобного рода договоров, его содержание, круг субъектов, имеющих право на их заключение, порядок исполнения, а также ответственность, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение условий заключенного административного договора.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В НИВЕЛИРОВАНИИ ПРОБЕЛОВ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В современной правовой системе Российской Федерации применение права по аналогии остается весьма затруднительным, так как требует от правоприменителя высокого уровня профессиональной подготовки. Несмотря на достаточно хорошую теоретическую разработку данного вопроса и его законодательное закрепление, правоприменительные органы неоправданно редко и очень осторожно выносят решения, мотивированные применением аналогии закона или аналогии права. Подобная ситуация в административной и судебной практике сложилась из-за определенных сложностей, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации пробела в праве как правового основания применения права по аналогии, а также при установлении пределов такого правоприменения¹.

Пробелы в праве, по мнению В. М. Жуйкова, всегда были, есть и будут даже в самых стабильных законодательных системах, поскольку объективно невозможно предусмотреть все, что требует правового регулирования. В современном законодательстве России огромное количество пробелов. Это вызвано кардинальными изменениями правовой системы, сложностью законодательного процесса, бессистемностью законотворческой деятельности и многими другими причинами. Судебная практика в таких условиях довольно часто становится источником права. Суды вынуждены на основе аналогии закона или аналогии права вырабатывать процедуры рассмотрения некоторых категорий дел².

В. М. Лебедев предлагает рассматривать судебную практику как совокупность деятельности судов по применению законодательства при рассмотрении гражданских, уголовных, административных и других судебных дел. Иначе говоря, как опыт индивидуально-правовой деятельности судов, в том числе обобщений и анализа этой деятельности, а также решений разных судебных инстанций, включая постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел³.

При изучении и анализе судебной практики действительно крайне редко обнаруживается применение аналогии закона и права. Судебная практика, касающаяся данного вопроса, состоит из решений, в которых суд использует нормы (прямо прописанные законом), позволяющие применять отдельные правовые предписания по аналогии (ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ, ст. 7 Жилищного кодекса Российской Федерации, далее – ЖК РФ, ст. 5 Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ, ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее – ГПК РФ, ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ). Однако в порядке аналогии закона допустимо применение не только норм, содержащихся в позитивных правовых актах, но и норм, выработанных в рамках нетрадиционных источников права, в частности, судебной практики.

Аналогия в гражданском законодательстве не имеет широкого применения, по мнению автора, в силу множества причин. Одним из решений проблем применения закона и права по

¹ Щелокаева Т. А., начальник отдела анализа и обобщения судебной практики Второго арбитражного апелляционного суда (г. Киров), доцент, канд. юрид. наук (Арбитражная практика. – 2007. – № 1).

² Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. – М., 2001. – С. 71, 72.

³ Лебедев В. М. Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. – М., 2002. – С. 42.

аналогии в значительной мере должна быть судебная практика. Правоприменительная практика как источник права, несомненно, существует, однако суды не обеспечивают единство судебной практики и законности. Между тем о значении судебной практики и единообразии в толковании и применении норм права указано в следующих нормах: ст. 389 ГПК РФ, ст. 304 АПК РФ. Судебная практика противоречива даже по отношению к таким общественным отношениям, регулирование которых прямо предусмотрено законом. Несмотря на это отсутствует единство между судами в применении закона при вынесении судебного решения. Например, в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства, регулирующего отношения в области защиты прав потребителей, а также учитывая возникающие у судов при рассмотрении данной категории дел вопросы, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 17 от 28 июня 2012 года дал разъяснения, в частности, о применении Закона о защите прав потребителей к отношениям, возникающим из договора страхования, как личного, так и имущественного. По искам к страховым компаниям о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, суды первой инстанции разных районов выносят противоположные решения. Одни суды применяют нормы Закона о защите прав потребителей к отношениям, возникающим из договоров страхования, указывая следующее: в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года в Постановлении № 17 от 28 июня 2012 года «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», договор страхования регулируется ФЗ «О защите прав потребителей». Согласно ч. 6 ст. 13 ФЗ «О защите прав потребителей» при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с ответчика за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Другие суды отказывают в исковых требованиях о взыскании со страховой компании, например, штрафа в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя, мотивируя тем, что указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года распространяется на обязательства, возникшие из договоров имущественного страхования, которые не регулируются специальным законом (договоры страхования по КАСКО, личное страхование). А вот обязательное страхование регулируется специальным законом об ОСАГО, так как речь идет о страховании гражданской ответственности.

В подтверждение наличия разнообразия в толковании и применении норм права можно привести следующий пример. Суд первой инстанции отказал в иске о понуждении к заключению основного договора купли-продажи земельного участка на том основании, что до окончания срока предварительного договора истец не направил ответчику предложения (проект договора) о заключении основного договора купли-продажи земельного участка. Данное обстоятельство, по мнению суда первой инстанции, мотивированное ссылкой на п. 6 ст. 429 ГК РФ, указывало на то, что обязательства сторон о заключении договора купли-продажи, предусмотренного предварительным договором, надлежит считать прекратившимися¹. Указанное решение, по мнению автора, вынесенное в соответствии с нормами гражданского законодательства, является законным и обоснованным. При вынесении решения суд, применив нормы материального права, принял к сведению сложившуюся многочисленную практику применения п. 6 ст. 429 ГК РФ вышестоящих судебных инстанций. Однако кассационная инстанция отменила указанный судебный акт и направила дело на новое рассмотрение, установив следующее: «...Вывод суда первой инстанции не основан в вынесенном по делу решении на правильном толковании норм материального права. Установленное п. 6 ст. 429 ГК РФ правило не носит универсального характера и рассчитано на ситуацию пассивного поведения

¹ Решение Городищенского районного суда Волгоградской области от 17 февраля 2009 года.

обеих сторон предварительного договора. Данное же правило должно применяться в системной взаимосвязи с положениями статьи 10 ГК РФ, регуливающей пределы осуществления гражданских прав и обязывающей суд отказать лицу, злоупотребляющему правом, в защите принадлежащих ему прав»¹. При новом рассмотрении дела тем же судом первой инстанции вынесено решение об удовлетворении требований истца о понуждении к заключению договора. Ответчик не согласился с указанным решением и обжаловал его в вышестоящих инстанциях, однако решение осталось в силе. Высшая инстанция по указанному делу не нашла оснований для передачи надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, указав буквально следующее: «... Доводы надзорной жалобы основаны на ином толковании норм права... Наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов»².

В связи с изложенными фактами разного толкования и применения норм права необходимо согласиться с мнением Г. Ф. Шершеневича о том, что «при толковании необходимо остановиться на той мысли, которая нашла себе отражение в самой норме»³.

Одна из основных стадий применения права – стадия уяснения смысла правовой нормы. Процессуальное законодательство устанавливает, что неправильное толкование является нарушением (неправильным применением) норм материального права и, соответственно, основанием для отмены решения. Указанное означает то, что суд должен дать верное толкование нормативного акта.

Судебная практика как источник права должна быть закреплена на законодательном уровне. Признание правотворческой функции судов в качестве источника российского права отвечает существующим тенденциям его развития, будет способствовать обеспечению основных прав и свобод человека и гражданина⁴.

Особенности места, занимаемого судами в системе общественного разделения труда, обуславливают их возможности наиболее объективно и в короткий срок выявлять пробелы, коллизии действующего законодательства. Судьи, находясь в самой гуще жизненных проблем, могут быстро и эффективно принять необходимое решение, восстанавливающее справедливость, создающее «замирненную» среду в обществе. Поэтому придание судебным органам правотворческой функции способно обеспечить «самонастройку» права, его качественное совершенствование и «очищение» от груза дефектов⁵.

Судебная практика в российской правовой системе, несомненно, уже является источником права, однако это явление остается спорным. Например, некоторые авторы полагают, что Верховный Суд может осуществлять только официальное толкование законодательства, но сам правотворчеством не занимается. В случае обнаружения пробелов в законодательстве он может воспользоваться правом законодательной инициативы, предусмотренной Конституцией. Другие авторы склоняются в пользу признания руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда источниками гражданского права. Аргументы заключаются в следующем. Когда на практике возникают вопросы, которые невозможно решить на основании существующих норм права, носящих, как правило, частный характер, воспользоваться правом законодательной инициативы нецелесообразно. В таких случаях пробел возможно восполнить с помощью разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 22 мая 2009 года, гражданское дело № 33-4581/09.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2010 года № 16-Ф10-44.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – С. 50.

⁴ Смирнов Л. В., канд. юрид. наук (Журнал российского права. – 2001. – № 3).

⁵ Там же.

Верховный Суд – это высший орган судебной системы страны, он вправе издавать нормативные акты, имеющие обязательное значение для нижестоящих судов. А так как указанные нормативные акты содержат нормы, направленные на урегулирование имущественных и личных неимущественных отношений, то, соответственно, они приобретают значение источников гражданского права. Так, к числу судебных актов, содержащих нормативные предписания, могут быть отнесены правовые позиции и решения Конституционного Суда Российской Федерации, решения Европейского Суда по правам человека, нормативное толкование Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, решения судов по аналогии закона и права, решения судов, принятых на основе норм, содержащих оценочные понятия. Постановления высших судебных инстанций в качестве источника права должны обеспечивать единообразное применение основных норм правовой системы. При проявлении неурегулированности общественных отношений, когда выявляются правовые пробелы, главную роль в формировании судебной практики играют суды, принимающие решения по данному вопросу, то есть суды нижестоящих инстанций. Постановления высших судебных инстанций принимаются на основе решений нижестоящих судов посредством анализа их практики. Таким образом, проявляется механизм судебной практики.

«Разновидностью судебной практики как источника гражданского права должны быть признаны: 1) прецедентные решения Европейского Суда по правам человека; 2) акты Конституционного Суда РФ (в форме заключений, постановлений и определений); 3) документы высших судебных инстанций, в которых содержится правовая позиция по отдельным направлениям правоприменения (постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ, письма высших судебных инстанций, обзоры и обобщения практики по конкретным вопросам); 4) судебные акты, принятые высшими судебными инстанциями по конкретным делам, в которых те выражают свои суждения и выводы по вопросу установления воли законодателя и, соответственно, применения правовых норм, содержание которых не всегда явно следует из текста нормативного акта, имеет оценочный характер, а также при наличии коллизий законодательных предписаний, тем самым ориентируя иные судебные инстанции на подобное понимание и применение данных норм в типовых ситуациях»¹.

На сегодняшний день Россия стремится приблизиться к общеевропейским стандартам, и в этой связи необходимо законодательное закрепление судебной практики в целях обеспечения единства толкования и применения норм права. Единство судебной практики может быть достигнуто в том случае, если толкование норм права, данное высшими судебными органами, будет носить императивный характер.

Судебная практика в правовой системе должна играть большую роль. Конституция Российской Федерации возложила в ст. 18 на суд важную задачу – обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, для чего суд наделила очень широкими полномочиями. В правовой системе Российской Федерации, помимо наличия пробелов, существуют противоречия, в том числе противоречия между Конституцией РФ и федеральными законами, между федеральными законами и законами, а также другими нормативными актами субъектов РФ, допускается много нарушений прав и свобод, в том числе и со стороны органов государственной власти. Разрешать указанные проблемы суд должен, так как это его обязанность, по всем рассматриваемым делам и при наличии пробелов и противоречий в праве. Что касается пробелов, следует подчеркнуть, что в отдельные исторические периоды даже самое хорошо разработанное законодательство, в котором пробелов может быть немного, начиная обновляться, непременно влечет возрастание количества пробелов. И в таких ситуациях судебная практика

¹ Фомина Л. А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

играет важную роль. Суд должен не только толковать закон, но и оценивать его на предмет соответствия Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, которые имеют над ним приоритет, чтобы в тех случаях, когда законодатель принял закон с нарушением этих актов, воспрепятствовать реализации его воли, отказав в применении такого закона. Данная функция в деятельности суда сама по себе связана с созданием судом права, когда суд, отказывая в применении закона, противоречащего общим принципам права, создает из них конкретизирующую правовую норму, на основе которой разрешается данное дело, и могут быть разрешены другие аналогичные дела.

Значение судебной практики в обобщенном виде можно определить следующим образом:

- разъяснения высшей судебной инстанции в части толкования и применения правовых норм обеспечивают единство судебной практики в РФ;
- в процессе судебной правоприменительной деятельности выявляются пробелы действующего законодательства;
- судебной практикой проверяется эффективность правовых норм, обнаруживается потребность в совершенствовании отдельных нормативных предписаний;
- обобщение и анализ судебной практики позволяет выявить закономерности и тенденции развития правоприменительной деятельности, определить пути ее совершенствования.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБОРОТ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ

В настоящее время проблемным и достаточно актуальным вопросом является гражданско-правовое регулирование оборота музейных предметов.

Понятие «гражданский оборот» давно используется в теории и практике гражданского права. Но в цивилистике до сих пор нет единого мнения относительно его сущности. Более того, применение термина «гражданский оборот» к обороту государственной части Музейного фонда РФ достаточно условно и имеет значительную специфику.

В словаре русского языка С. И. Ожегова у термина «оборот» очень много значений. Под оборотом понимается обращение денежных средств и товаров для воспроизводства, получения прибыли¹. Следовательно, с точки зрения русского языка, переход государственной части Музейного фонда РФ от одного субъекта к другому нельзя считать оборотом в силу того, что не реализуется цель оборота – получение прибыли.

В научной литературе под гражданским оборотом следуют понимать «переход имущества от одного лица к другому лицу на основе заключаемых участниками гражданского оборота сделок или в силу иных юридических фактов»². Совокупность действий по передаче товара от одного субъекта к другому образует содержание процесса оборота. Следовательно, если рассматривать структуру оборота, то можно увидеть системное явление с внешними и внутренними элементами. К внешним элементам относятся его объекты и субъекты, а к внутренним – содержание³.

В литературе, которая изучает экономику, под «оборотом» обычно понимается совокупность актов обмена, приводящих к смене собственника⁴, а также аналогичные процессы циклического характера⁵.

Проецирование семантического понятия «оборот» в сферу общественных отношений, образующих предмет гражданского права, придает ему особый смысл. В самом общем плане такой оборот может быть представлен как урегулированный нормами права процесс перехода благ, результатом которого является постоянная или временная смена их обладателей⁶.

В отечественной доктрине дореволюционного и советского периодов были выработаны две важнейшие концепции по поводу осмысления гражданского оборота. Сторонники первой концепции предложили рассматривать гражданский оборот как «совокупность юридических фактов»⁷, а другой – как «совокупность отношений в сфере производства и обмена, которая

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1978. – С. 395.

² Энциклопедический юридический словарь / под ред. В. Е. Крутских. – М.: Инфра-М. – С. 3–4.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 17. – 2-е изд. – М., 1960. – С. 95–96.

⁴ Вечканов Г. С., Вечканова Т. Р., Пуляев В. Т. Краткая экономическая энциклопедия. – СПб., 1998. – С. 234.

⁵ Мирецкой Ю. С. Рыночная экономика / под ред. Ю. С. Мирецкого. – М., 1994. – С. 56.

⁶ Астахова М. А. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 5. – С. 67.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: по изданию 1907 года. – М.: СПАРК, 1995. – С. 110; Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве: доклад на заседании сектора гражданского права ВИЮН // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 71.

регулируются гражданским правом, независимо от того, возникли они из гражданско-правовой сделки, административно-распорядительного акта или их сочетания»¹.

Взгляды современных исследователей также не отличаются единством. Под гражданским оборотом предлагается понимать: юридическую форму экономического оборота, отражающую процесс перехода субъективных прав участников гражданских правоотношений, основанную на совершении причинно-обусловленных распорядительных юридических поступков, а применительно к вещным договорам – распорядительных односторонних сделок²; оборот прав вещных и обязательственных³; движение вещей, требований и прав⁴.

Некоторые цивилисты отмечают, что гражданский и экономический обороты представлены совокупностью общественных отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, и между ними нет никакой разницы. Так, по мнению А. В. Головизнина гражданский оборот устанавливается как совокупность гражданских правоотношений, в рамках которых реализуются приобретение, пользование и передача благ. Из этого следует, по мнению автора, что движение благ опосредуется не только обязательственными, но и вещными правоотношениями⁵.

Эта позиция опровергается в научной литературе. Так, по мнению С. Н. Братуся, «...не следует отождествлять оборот в экономическом смысле с оборотом в юридическом смысле»⁶.

Эти явления взаимосвязанные, но различные по своей природе, на что неоднократно указывалось в юридической литературе и такими другими цивилистами, как О. А. Красавчиков, И. А. Полуяхтов и др.⁷ Различие заключается в том, что экономический оборот составляет предмет правового регулирования, а гражданский оборот – результат правового регулирования. Следовательно, экономический оборот, урегулированный нормами гражданского законодательства, приобретает гражданско-правовую форму и становится гражданским оборотом. Поэтому гражданский оборот выступает в качестве единства материального содержания и правовой формы⁸.

Устанавливать гражданский оборот через категорию только отношений не вполне точно, потому что прежде, чем появятся правовые связи, им предшествует активная деятельность субъектов права, то есть совершение ими действий в виде сделок. Рассуждать же об обороте без акцента на его волевой и целенаправленный характер видится бессмысленным. Это понятие нужно считать связанным преимущественно с соответствующими юридически-

¹ Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация // Советское государство и право. – 1949. – № 1. – С. 56; Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот: понятие и основные звенья // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса: ученые записки СЮИ. Т. V. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 17–20.

² Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 6.

³ Скловский К. И. Механизм перехода права и последствия цессии // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 60.

⁴ Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. – М.: Статут, 2004. – С. 40.

⁵ Головизнин А. В. Гражданско правовое регулирование оборота культурных ценностей: дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 61.

⁶ Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. Во всесоюзном институте юридических наук. Обзор заседаний сектора гражданского права // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 71.

⁷ Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот: понятие и основные звенья // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. – 1972. – С. 4; Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав. – С. 31.

⁸ Головизнин А. В. Гражданско правовое регулирование оборота культурных ценностей. – С. 62.

ми действиями, в данном случае сделками¹. Аналогично оценивали суть экономического оборота и его юридической формы Г. Ф. Шершеневич, П. П. Цитович² и др.

Вероятно, рассматривая оборот в широком смысле, его можно понимать как сделки, в том числе и отношения, порожденные ими (например, договор купли-продажи и возникающие из него обязательства по передаче вещи, по уплате денег и т. п.). Тем не менее в любом случае целесообразно учитывать, что отношения есть лишь результат сделок³.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод: гражданский оборот музейных предметов и музейных коллекций представляет собой совокупность социальных связей в сфере экономической жизнедеятельности общества, возникающих в результате приобретения, пользования и передачи музейных предметов и коллекций, которые, будучи урегулированными нормами гражданского законодательства, обладают гражданско-правовыми формами.

Правовое регулирование оборота музейных предметов и коллекций реализуется посредством гражданско-правовых норм, нашедших свое внешнее выражение в различных по своей юридической силе нормативно-правовых актах, международных договорах с участием Российской Федерации и обычаях делового оборота.

¹ Белов В. А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. – М., 1996. – С. 3.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М., 1994. – С. 24; Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. – М., 2001. – С. 46–83.

³ Корнеев А. Л. Сделки с земельными участками: учебное пособие. – М.: Городец, 2006. – С. 15.

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ

За прошедшее с момента выхода предыдущего номера журнала «Мы и право» время Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России осуществлено следующее.

9 февраля во Дворце культуры профсоюзов состоялось открытие Детского гуманитарного университета.

Детский университет организован на базе НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права» по инициативе и при содействии Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

На церемонию открытия были приглашены около 400 детей из школ Волгограда и Волжского. Поздравить будущих «студентов» приехали ректор Волгоградского института экономики, социологии и права Виталий Андреевич Юсупов и Председатель Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России Евгений Юрьевич Маликов. Они пожелали ребятам успехов в освоении новых знаний и вручили им символический ключ от Детского гуманитарного университета. Организаторы подарили школьникам интересные научно-познавательные пособия для детей, в том числе брошюры серии «Юристы – детям», предоставленные Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов. После торжественной части мероприятия ребята посмотрели спектакль Волгоградского молодежного театра «Сказка о потерянных правах».

Детский гуманитарный университет рассчитан на разные категории детей в возрасте от 8 до 18 лет. Данный проект направлен на популяризацию научных знаний путем постановки тем, стимулирующих интерес к науке. Тематика лекций охватывает такие предметы, как право, экономика, история, математика, физика, астрономия, химия, география, психология, медицина, русская и зарубежная филология, музыка, архитектура, археология и др. Детский гуманитарный университет не претендует на то, чтобы заменить детям школу по той простой причине, что он не стремится к систематическому обучению, он не дает, в формальном смысле этого слова, образование. Цель проекта – убедить детей в том, что наука – это не только ужасно сложно, но и ужасно интересно.

Новый формат общения с детьми пробуждает у них интерес к таким «непонятым» дисциплинам, как астрономия, археология, философия. Во время такого общения с профессором и его студентами дети узнают много нового – без боязни получить низкую оценку, а значит, без стресса.

Бесплатные тридцатиминутные научно-популярные «лекции-интерактивы» по выходным дням и на школьных каникулах будут проводить преподаватели высших учебных заведений и известные люди Волгоградской области.

Уже традиционно одним из основных направлений Детского университета станет правовое воспитание и просвещение детей. В качестве преподавателей в рамках данной тематики выступят члены Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Напомним, что первый в России Детский университет был открыт при поддержке Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России на базе Волжского гуманитарного института в январе 2011 года.

Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России выпущен сборник статей по материалам Второй всероссийской конференции по проблемам правового воспитания и просвещения детей, состоявшейся в г. Волгограде 21 сентября 2012 года.

На сайте Отделения www.alrf34.ru в разделе «Юридическая библиотека» можно скачать файл с текстом сборника в формате PDF, а также ознакомиться с другими информационно-просветительскими пособиями, выпущенными при участии Отделения.

Достигнуто соглашение о проведении юридических консультаций граждан членами Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России в рамках деятельности общественной приемной депутата Волгоградской городской Думы В. В. Колесникова.

При наличии соответствующих обращений прием граждан по правовым вопросам будет проводиться по пятницам с 10.00 до 12.00 по адресу общественной приемной: г. Волгоград, Краснооктябрьский район, ул. им. Германа Титова, д. 17.

Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России и ГКУ Волгоградской области «Государственное юридическое бюро Волгоградской области» 15 марта заключено соглашение о взаимодействии и сотрудничестве.

Соглашение определяет основные направления, формы и методы сотрудничества по вопросам реализации государственной политики в сфере оказания бесплатной юридической помощи гражданам. Оно призвано способствовать укреплению совместного взаимодействия, выработке единой политики при выполнении задач, возложенных на стороны нормативными правовыми актами.

Основная цель соглашения – развитие и укрепление всестороннего конструктивного сотрудничества, направленного на повышение эффективности совместной работы и создание надлежащих условий для осуществления деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи гражданам, проживающим на территории г. Волгограда и Волгоградской области.

22 марта на базе Волжского филиала НОУ ВПО «Международный юридический институт» состоялась Международная научно-практическая конференция «Российское государство в переломные периоды своего развития».

В работе конференции приняли участие российские и зарубежные научные и практические работники, преподаватели, аспиранты, соискатели, студенты и магистранты.

Программа конференции включала пленарную часть и работу следующих секций: «Российская государственность: исторические традиции и вызовы» и «Роль права в развитии российского государства».

В ходе конференции состоялось обсуждение исторических этапов становления и формирования российской государственности и возможных путей ее дальнейшего развития.

От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России участие в работе конференции приняли председатель Совета Отделения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации П. М. Филиппов и заместитель председателя Совета молодых юристов Отделения В. В. Лосев.

22 марта Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России был организован очередной День бесплатной юридической помощи.

Акцию поддержали ГКУ Волгоградской области «Государственное юридическое бюро Волгоградской области», Центр правового консультирования и просвещения при Волгоградском институте бизнеса и его представительства на базе 8 филиалов Института в районах Волгоградской области (Камышинском, Котельниковском, Ленинском, Михайловском, Палласовском, Суровикинском, Урюпинском, Фроловском), юридические клиники при Волгоградском государственном университете и его филиале – Волжском гуманитарном институте, Волгоградском филиале РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоградском кооперативном институте.

Оказание бесплатной юридической помощи также осуществлялось Нотариальной палатой Волгоградской области и нотариусами региона.

Участники акции организовали прием граждан в режиме дня открытых дверей с 9 до 18 часов без перерыва с посменным составом юристов-консультантов.

В ходе мероприятия юридическую помощь получили более 120 человек. Наибольшее количество обращений поступило по вопросам жилищного законодательства, трудового права, социального обеспечения.

27 марта состоялось заседание Общественного совета при Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области.

В повестку заседания были включены вопросы организации мониторинга качества и доступности государственных услуг, предоставляемых Управлением, и рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, поступивших в адрес Общественного совета, по вопросам, входящим в компетенцию Управления. В ходе заседания был утвержден состав рабочих групп по указанным вопросам и план проведения мониторинга качества и доступности государственных услуг.

От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России в заседании Общественного совета приняла участие руководитель аппарата Отделения А. А. Ландина.

2 апреля в Волгоградской торгово-промышленной палате прошел семинар по теме: «Вопросы компетенции третейского суда при рассмотрении споров, связанных с правами на недвижимое имущество».

Семинар проводился совместно с Арбитражным судом Волгоградской области в рамках соглашения о сотрудничестве между Арбитражным судом Волгоградской области и Волгоградской торгово-промышленной палатой.

От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России в семинаре приняли участие заместитель Председателя Совета Отделения О. А. Коробов и член Отделения А. Ю. Белоножкин. Последний выступил с докладом по тематике семинара.

11 апреля в Большом зале Правительства Волгоградской области состоялось торжественное награждение победителей Волгоградского областного конкурса «Лучшие менеджеры и организации года» по итогам работы предприятий и организаций Волгоградской области в 2012 году.

Дипломы победителям конкурса вручил губернатор Волгоградской области Сергей Боженов.

Волгоградскому региональному отделению общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» присвоено звание «Лучшая организация 2012 года» в номинации «Общественные организации и общественные фонды».

С 8 по 12 апреля в Институте молодежной политики и социальной работы (г. Волгоград) прошло обучение представителей социально ориентированных некоммерче-

ских организаций по программе повышения квалификации на тему: «Основы социального предпринимательства для НКО».

Курсы повышения квалификации проводились по инициативе Института международных социально-гуманитарных связей (г. Москва) и ГБОУ ДПО ВО «Институт молодежной политики и социальной работы» при поддержке Министерства печати и информации Волгоградской области.

Для участников программы были проведены занятия по таким темам, как «Руководство и управление организацией социальной сферы», «Финансовое управление деятельностью НКО. Возможные источники финансирования», «Формы государственной поддержки СО НКО, осуществляющих свою деятельность на территории Волгоградской области», «Предпринимательская инициатива в социальной среде» и др.

Лекторами выступили ведущие региональные эксперты в сфере третьего сектора, представители Министерства печати и информации Волгоградской области, а также московские бизнес-тренеры – Константин Дубровин, управляющий партнер *Moko Consulting*, разработчик авторской программы «Создание отдела продаж в НКО», представленной на III съезде НКО, и Ольга Дивненко – кандидат педагогических наук, руководитель научного отдела Института международных социально-гуманитарных связей (г. Москва), эксперт Экспертного Совета по социальному предпринимательству Комитета Государственной Думы РФ по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству.

По окончании курса всем успешно прошедшим обучение выдано удостоверение государственного образца о краткосрочном повышении квалификации.

От Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» обучение по программе повышения квалификации прошли Александра Ландина – руководитель аппарата Отделения и Владислав Лосев – заместитель председателя Совета молодых юристов Отделения, юрисконсульт.

19 апреля на базе ГБОУ СПО «Волгоградский технологический колледж» состоялась VII Региональная научно-практическая студенческая конференция «Реализация и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». Организатором конференции выступил Совет директоров образовательных учреждений профессионального образования Волгоградской области.

В работе конференции приняли участие преподаватели и студенты средних учебных заведений Волгограда и Волгоградской области.

Программа конференции включала пленарное заседание и работу дискуссионных площадок.

Гостями пленарного заседания стали представители Аппарата Уполномоченного по правам человека в Волгоградской области, Волгоградской областной Думы, Управления Росреестра по Волгоградской области. От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России участие в работе конференции приняла руководитель аппарата Отделения А. А. Ландина.

Тематика дискуссионных площадок была посвящена обсуждению перспектив и современного состояния реализации и защиты политических и социальных прав и свобод в России, актуальным вопросам возникновения и развития прав и свобод человека.

23 апреля состоялось заседание Совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Членами Совета утверждены Положения о конкурсе на лучшее учебное пособие по праву среди вузов и их филиалов, расположенных на территории Волгоградской области, и конкурсе для школьников «Какой закон я бы придумал?», проведение которых планируется в текущем году, определены сроки проведения указанных конкурсов, приняты в Ассоциацию юристов России новые члены, рассмотрены организационные вопросы деятельности Отделения.

23 апреля в Волжском гуманитарном институте (филиале) Волгоградского государственного университета в рамках Недели науки состоялась Международная конференция «Актуальные проблемы юриспруденции и психологии».

Соорганизатором Конференции выступило Волгоградское региональное отделение Ассоциации юристов России. В работе Конференции принял участие заместитель Председателя Совета Отделения О. А. Коробов и член Отделения А. Ю. Белоножкин.

По итогам Конференции запланировано издание сборника статей.

24 апреля состоялось внеочередное заседание Общественного совета при Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области в формате видеоконференции по вопросу «О механизмах взаимодействия Общественного совета при Росреестре с общественными советами при территориальных органах Росреестра».

В видеоконференции также приняли участие представители Общественного совета при Росреестре и общественных советов при управлениях Росреестра по Республике Карелия, Челябинской и Свердловской областям.

От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России в заседании Общественного совета приняла участие руководитель аппарата Отделения А. А. Ландина

24 апреля Советом молодых юристов Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России совместно с Краснооктябрьским районным методическим объединением учителей истории и обществознания проведена районная игра «Практическое право» среди учащихся 10–11 классов средних образовательных учреждений Краснооктябрьского района Волгограда.

Мероприятие, собравшее команды из 8 школ, прошло на базе МОУ СОШ № 92 Краснооктябрьского района Волгограда.

Игра включала 4 этапа: презентация команды, ответы на тестовые вопросы по отраслям права, разрешение правовой ситуации, а также разгадывание кроссворда с юридическими терминами.

По итогам мероприятия команда МОУ СОШ № 49 заняла I место, команда МОУ СОШ № 78 – II место, команда МОУ Гимназия № 14 – III место.

Всем призерам были вручены дипломы и памятные подарки от Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России. Преподаватели, участвовавшие в подготовке учеников к игре, получили в подарок от Отделения комплект методической литературы на правовую тематику.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

На вопросы отвечает консультант центра бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Р. Б. Уланов.

Добрый день. Подскажите, пожалуйста, каким законным способом я могу ознакомиться с решением суда, на котором выступал свидетелем? Мне показалось странным, что при рассмотрении очевидного административного дела с меня была взята подписка «за лжесвидетельство», а свидетельские показания не были подкреплены моей подписью. Есть возможность подлога.

В соответствии с положениями ст. 25.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях свидетель вправе:

- 1) не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников;
- 2) давать показания на родном языке или на языке, которым владеет;
- 3) пользоваться бесплатной помощью переводчика;
- 4) делать замечания по поводу правильности занесения его показаний в протокол.

Свидетель обязан явиться по вызову судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, и дать правдивые показания: сообщить все известное ему по делу, ответить на поставленные вопросы и удостоверить своей подписью в соответствующем протоколе правильность занесения его показаний.

Таким образом, действующим законодательством не предусмотрено право свидетеля на ознакомление с материалами дела об административном правонарушении. Направление свидетелю копии постановления по делу об административном правонарушении также не предусмотрено (ст. 29.11 КоАП РФ).

Однако как свидетель Вы вправе ознакомиться с протоколом судебного заседания, чтобы убедиться в правильности занесения Ваших показаний (поскольку, как следует из Вашего вопроса, такое право в ходе разбирательства Вам предоставлено не было).

Добрый день. Мои родители в разводе лет 7. «Двушка» в Волгограде приватизирована. Мы с отцом отказались от долей в пользу матери. Сейчас отец сильно пьет, мать хочет с ним разъехаться, но отец не хочет уходить в подселение (так как две изолированные квартиры купить после продажи «двушки» невозможно). Мама очень больной человек, и я хотел бы, чтобы она жила в отдельной квартире. Сам я помочь ей

не могу, так как выплачиваю ипотеку. Варианты с тем, чтобы договориться, отпадают, так как отец не хочет разговаривать на эту тему «ни под каким соусом». Единственный вариант – судиться. Как можно выписать отца для продажи квартиры?

Согласно ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи.

Однако из этого правила есть исключение: в соответствии со ст. 19 ФЗ от 29 декабря 2004 года № 189–ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» действие положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

То есть следует учитывать, что, дав согласие на приватизацию жилого помещения, лицо исходило из того, что право пользования данным жилым помещением для него будет носить бессрочный характер, следовательно, его права должны быть учтены при переходе права собственности на жилое помещение другому лицу, поскольку иное толкование нарушало бы положения статьи 40 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно лишен своего жилища.

Это значит, что если на момент приватизации Ваш отец был зарегистрирован по месту жительства в спорном жилом помещении (согласно используемой Вами терминологии, «прописан»), дал согласие на приватизацию, но отказался от приватизации своей доли (в частности, в пользу Вашей матери), он сохраняет право пользования указанным жилым помещением пожизненно и его нельзя принудительно выселить или выписать даже в судебном порядке, причем независимо от смены собственника квартиры.

ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ

ИЛЬИН ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1883–1954)

Иван Александрович Ильин родился в Москве 28 марта (по старому стилю) 1883 года в дворянской семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты, губернского секретаря Александра Ивановича Ильина и Екатерины Юльевны Ильиной (урожденной Швейкерт фон Штадион). Он был треть-

им сыном в семье.

Старшие братья – Алексей и Александр – станут юристами. Отец Ильина – коренной москвич; дед, полковник, служил начальником Кремлевского дворца. По матери Иван Ильин – немецкой крови, его дед, Юлиус Швейкерт, был коллежским советником.

Начальное образование Ильин получил в гимназии, где проучился пять лет. Окончил ее 31 мая 1901 года с золотой медалью. Затем поступил на юридический факультет Московского университета, где преподавали выдающиеся профессора Новгородцев и князь Трубецкой.

Ильин вошел в научную школу Новгородцева, чьи лекции по истории философии оставили глубокий след в его сознании. «В нем всегда жило чувство живой тайны бытия и мистического благоговения перед нею», – писал он о своем учителе. Платон, Руссо, Кант, Гегель – таковы были идейные центры школы Новгородцева.

Сдав экзамены 25 мая 1906 года, Ильин был удостоен диплома первой степени. 22 сентября на заседании юридического факультета по предложению князя Трубецкого его оставили при университете для подготовки к профессорскому званию.

В этом же году Иван Ильин женился на Наталии Николаевне Вокач. Эта удивительная женщина, занимавшаяся философией, искусством, позже историей, была духовно близка Ильину. Евгения Герцык, родственница Вокач, вспоминает: «В 1906 году наша двоюродная сестра вышла замуж за студента Ильина. Недавний революционер-эсдек (он был на памятном съезде в Финляндии в 1905 году), теперь неокантианец, но сохранивший тот же макси-

мализм, он сразу порвал с родней жены, как раньше со своей, насквозь буржуазной, но почему-то исключением были мы с сестрой, и он потянулся к нам со всей присущей ему пылкостью. Двоюродная сестра не была нам близка, но умная и молчаливая – она всю жизнь делила симпатии мужа, немного ироническая к его горячности. Он же благоговел перед ее мудрым спокойствием. Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом: ни он, ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии. Оковали себя железной аскезой – все строго расчислено, вплоть до того, сколько двугривенных можно в месяц потратить на извозчика, концерты, театр под запретом, а Ильин страстно любил музыку и художественный театр. Квартира, две маленькие комнаты, блистала чистотой – заслуга Наталии, жены».

В 1909 году Ильин сдал экзамены на степень магистра государственного права и после двух пробных лекций был утвержден в звании приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права своего родного университета.

С осени он преподает на Высших женских юридических курсах «Историю философии права» и ведет семинар по «Общей методологии юридических наук».

В 1910 году начинает читать свой первый курс в Московском университете, тогда же становится членом Московского психологического общества, в «Вопросах философии и психологии» печатает первую научную работу «Понятия права и силы».

Зимой вместе с женой уезжает на два года за границу в научную командировку (Германия, Италия, Франция), работает в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Берлина и Геттингена, в Париже и снова в Берлине.

В 1911 году выходит в свет его труд «Идея личности в учении Штирнера. Опыт по истории индивидуализма», сдаются в набор «Понятия права и силы» (на немецком языке, с дополнительными комментариями для Берлинского издательства) и сочинение о Фихте. Он начинает работать над ставшей впоследствии знаменитой статьей «О любезности», которую дважды перерабатывает из-за длинноты, оставляя за бортом огромное количество ценного материала.

После этого он направляет свой, как он указывает в подзаголовке, «Социально-психологический опыт» Петру Струве в «Русскую мысль». Но прежде чем напечатать, он прочел эту статью в Германии друзьям, которые оценили его «Любезность» по достоинству и которых, вспоминает Ильин, он «взял в душу», а они называли его шутя «самозваной нянькой и воспитательницей».

Летом того же года он часто общается с философом Гуссерлем, постигая его феноменологический, или дескриптивный, метод, сущность которого, по выражению Ильина, состоит в следующем: анализу того или другого предмета должно предшествовать интуитивное погружение в переживание анализируемого предмета.

Вынашивает он и новое эссе – «О пошлости». «Иногда, – пишет он, – предвкушая, ляскаю зубами от писательского аппетита. Вообще обдумываю и задумываю так много, что в минуты утомления или упадка кажусь себе дуралеем». Подчас перенапряжение в работе граничит со срывом. «Я теперь ничего не пишу, в молчании есть своя прелесть, свой отдых, своя спокойная глубина».

За границей Ильины не только учатся, но и путешествуют, и отдыхают – побывали в Италии (Флоренция), посетили в Германии город Кассель, едут потом через Кельн, Майн, Страсбург в Швейцарию, проводят неделю в горах и затем «оседают» на три недели в Бретани у океана.

«Я радуюсь, – пишет Ильин, – сильно океану. Не знаю, может быть, и правда «всё – из воды». Я увидел море впервые в Венеции, на Лидо, и после двухчасового общения с ним трудно было уходить. Тогда-то мы и решили поехать непременно на океан, он должен знать какую-то древнюю, первую мудрость, и известные сомнения должны быть стерты им. Есть пределы, на которых “нельзя” и “неизбежно” должны утрачивать свою непереносность».

Ильин возвращается в Москву в 1913 году, живет в доме в Крестовоздвиженском переулке, отныне постоянном его местожительстве.

22 февраля 1914 года Ильин выступает с докладом «Учение Гегеля о сущности спекулятивного мышления», тезисы которого обсуждались позже, 3 марта. Именно с этой работы начинается серия из шести его работ о Гегеле, составивших диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», изданную в 1918 году в двух томах: 1-й – «Учение о Боге», 2-й – «Учение о человеке».

Книга о Гегеле прославила Ильина как философа. Автор продемонстрировал в ней великодушное знание и глубокое понимание сложнейшего текста. Эрудиция его безупречна, а самостоятельный ход мысли оригинален и увлекателен. Ильин – не гегельянец (никогда им не был), ему видны упущения великого немца. Это панлогизм, стремление разложить все по полочкам понятийного (пусть диалектического) мышления, отсюда «абсурдность» метода, согласно которому истина постигается системой категорий («Философ вообще не обязан выдумывать и преподавать какую-то «систему». Это чисто немецкий предрассудок, от которого давно пора освободиться», – скажет он впоследствии). Неприемлем и гегелевский пантеизм, отождествление мира и Бога.

Война России с Германией 1914 года вызвала патриотический подъем, и Ильин не только проникся им, но сыграл немаловажную роль в его упрочении. Из писем его к Л. Я. Гуревич мы узнаем, что «в России духовный подъем все нарастает и все сильнее захватывает интеллигенцию», что «необходим ряд статей – экономических, исторических, стратегических, политических и метафорических о войне». Он недоволен деятельностью П. Б. Струве как главного редактора журнала «Русская мысль», выражавшего, по мнению Ильина, идеологию торговцев-промышленников, что не играло на руку России.

В этот период появляются две работы Ильина – «Основное нравственное противоречие войны» и «Духовный смысл войны», это лучшие страницы русской нравственной философии, без них невозможно правильное понимание важной и во многом трудной его книги «О сопротивлении злу силою», в них заложены идеи будущих его работ, касающиеся предметов, за «которые стоит жить, бороться и умереть», – лейтмотив, пронзающий все последующие творения Ильина, здесь впервые и пророчески говорится о добровольчестве – потом эта тема перейдет в «Белую идею», и не в плане только военно-историческом, но в более широком смысле тысячелетнего государственного строительства России, наконец, это – смелые строки о труднейшей и деликатнейшей проблеме войны.

В эти годы у Ильина завязывается преданная дружба с композитором Николаем Метнером. Музыка его он очень любил, писал о нем позже в специальном исследовании, ему посвятил, кстати, «Духовный смысл войны», а позже – статью «Что такое художественность?» Со старшим братом Николая Эмилием Метнером Ильины даже породнились – стали крестными его сына.

После февральской революции 1917 года Ильин из кабинетного ученого превращается в активного политика, идеолога правого дела. Летом он публикует в издательствах «Народная свобода» и «Народное право» пять небольших брошюр. «Всякий порядок жизни, – пишет он, – имеет известные недостатки, и, по общему правилу, устранение этих недостатков достигается посредством отмены неудовлетворительных правовых норм и установления других, лучших. Каждый правовой строй должен непременно открывать людям эту возможность совершенствовать законы по закону, то есть улучшать правовой порядок, не нарушая правового порядка. Правовой строй, который закрывает эту возможность для всех или для широких кругов народа, лишая их доступа к законодательству, готовит себе неизбежную революцию».

Сразу же после октябрьского переворота Ильин публикует в «Русских ведомостях» статью «Ушедшим победителям». В ней он обращается к павшим в борьбе белогвардейцам: «Вы победили, друзья и братья. И завещали нам довести вашу победу до конца. Верьте нам, мы исполним завещанное».

За связь с белогвардейским движением Ильина несколько раз подвергали аресту, в его доме производились обыски. Тем не менее это не помешало ему 18 мая 1918 года защитить магистерскую диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

Жизнь продолжалась, Ильин работал в университете, в Московском коммерческом институте, музыкально-педагогическом, Ритмическом, Философско-исследовательском институтах. Помимо преподавательской деятельности он занимался переводами, выступал с докладами в Психологическом обществе, председателем которого он был избран после смерти профессора Л. М. Лопатина.

4 сентября 1922 года Иван Александрович был арестован большевиками в шестой раз, допрошен и немедленно судим. За антисоветскую деятельность его, вместе с другими учеными, философами и литераторами, выслали в Германию.

В начале октября 1922 года Ильин приехал в Берлин. Начался новый период жизни. Философ немедленно связался с генералом А. А. фон Лампе – представителем барона Врангеля. Через него он установил связь с главнокомандующим, к которому относился с большим пиететом. Вместе с другими русскими эмигрантами он включился в работу по организации Религиозно-философской академии, философского общества при ней, религиозно-философского журнала.

В феврале 1923 года в Берлине начал работать Русский научный институт, на открытии которого философ произнес речь, изданную позже отдельной брошюрой. Ильин был профессором этого института, прочел ряд курсов – энциклопедия права, история этических учений, введение в философию, введение в эстетику, учение о правосознании и др. – на двух языках: русском и немецком. В 1923–1924 годах он был деканом юридического факультета этого института, в 1924 году – избран членом-корреспондентом Славянского института при Лондонском университете.

С 1925 года появляются большие работы Ильина «Религиозный смысл философии», «О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления», «Основы искусства (О совершенном в искусстве)» и не менее значимые по содержанию брошюры «Яд большевизма», «О России. Три речи», «Кризис безбожия», «Основы христианской культуры», «Пророческое призвание Пушкина», «Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера», «Основы борьбы за национальную Россию» и др.

Особое внимание и в среде русской эмиграции, и в тогдашней России привлекла книга Ильина «О сопротивлении злу силою». Нетрудно догадаться, что книга направлена против философии толстовства, оказавшей разлагающее воздействие на интеллигенцию России. Ильин не скрывал своего намерения «перевернуть навсегда толстовскую» страницу русской нигилистической морали и восстановить «древнее православное учение о мече во всей его силе и славе».

Читатели разделились на два враждебных лагеря сторонников Ильина и противников его идей. З. Гиппиус назвала книгу «военно-полевым богословием». Н. Бердяев сказал, что “чека” во имя Божие более отвратительно, чем “чека” во имя дьявола», примерно в том же духе высказывались Ф. Степун, В. Зеньковский и др.

Поддержали Ильина Русская зарубежная Церковь, в частности, митрополит Антоний, архиепископ Анастасий и другие иерархи, философы и публицисты, среди них П. Струве, Н. Лосский, А. Билимович.

В 1926–1938 годы Ильин около 200 раз выступал с лекциями в Германии, Латвии, Швейцарии, Бельгии, Чехии, Югославии и Австрии, читая на русском, немецком и французском языках. Это было скромным, но достаточно стабильным источником существования. Он рассказывал о русских писателях, о русской культуре, об основах правосознания, о возрождении России, о религии и церкви, о советском режиме и др.

Главное же в жизни Ивана Ильина – политика и философское творчество. Он публикуется в газете «Возрождение», в «Дне русского ребенка», «Русском инвалиде», «Православной Руси», «России», «Новом времени», «Новом пути» и во многих других эмигрантских изданиях.

После ухода из редакции «Возрождения», в знак протеста против вытеснения Струве как главного редактора, Ильин издает журнал «Русский колокол» (с 1927 по 1930 год вышло

девять его номеров) с характерным подзаголовком «Журнал волевой идеи» – исключительный по лаконичности и содержательности материала.

За Ильиным прочно закрепилось звание вне- и надпартийного идеолога белого движения. Он был тесно связан с Русским общевоинским союзом (РОВС), участвовал в работе Сент-Жюльенского съезда 1930 года, организованного Русской секцией международной лиги для борьбы с III Интернационалом (известной под названием Лиги Обера).

Своеобразным было отношение Ильина к фашизму и, в частности, к национал-социализму, которому он посвятил несколько своих статей. В них он показывает природу, источник и смысл фашизма как рыцарского начала и отклик человечества на развернувшуюся бездну безбожия, бесчестия и свирепой жадности; как борьбу с интернационализмом, коммунизмом и большевизмом.

Еще в 1936 году, по воспоминаниям Р. Редлиха, Ильин «совершенно точно описал грядущий поход Гитлера в Россию». Ошибочность доктрины Гитлера, по мнению Ильина, была в том, что она основана на расовой теории и антицерковной борьбе; последняя по пагубности превосходила масонскую идею отделения церкви от государства.

После прихода к власти Гитлера в 1933 году у Ивана Александровича, который был профессором Берлинского университета, назрел конфликт с немецким министерством пропаганды. В середине 1930-х годов он был уволен из университета. Но Ильин продолжал писать, он работал над книгой «Путь духовного обновления». Она вышла в 1937 году в Белграде.

Средства духовного обновления – вера, любовь, свобода, совесть, семья, родина, национализм, правосознание, государство, частная собственность. Каждому из них посвящена глава. Веру Ильин определяет очень широко – это «главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки». Без веры человек не может существовать. Жить значит выбирать и стремиться, для этого нужно верить в некоторые ценности, служить им; все люди во что-то верят. Ильин предупреждает: «Иногда под корою теоретического неверия живет в тайне настоящая глубокая религиозность; и наоборот, ярко выраженная церковная набожность скрывает за собой совершенно недуховную душу».

Источник веры и религиозности – любовь. Это определяющая форма духовности. Обращаясь к ней, Ильин проводит тонкое различие между двумя формами любви – инстинктивной и духовной. Любовь, рожденная инстинктом, субъективна, необъяснима. Иногда это ослепление, всегда – идеализация.

Другой вид любви – любовь духа, в основе которого лежит восприятие совершенства, объективного идеала. Именно такая любовь лежит в основе религиозного чувства.

Ильин был не только правоведом и моралистом. Широко образованный философ культуры, он не мог пройти мимо такой области духовной жизни, как художественное творчество. Известны его статьи о классической русской литературе – о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом. В 1937 году он выпускает книгу «Основы художества». Год спустя заканчивает работу «О тьме и просветлении. Книга литературной критики» (вышла посмертно). Много ярких страниц посвящено искусству в сборниках его статей.

Ильин – адепт реализма, непримиримый противник формалистических «художеств». «...Будущее принадлежит не модернизму, этому выродившемуся мнимо-искусству, созданному, восхваленному и распространяемому беспочвенными людьми, лишенными духа и забывшими Бога. После великого блуждания, после тяжелых мучений и лишений человек опомнится, выздоровеет и обратится снова к настоящему, органическому и глубокому искусству, и так легко понять, что и ныне уже глубокие и чуткие натуры предчувствуют это грядущее искусство, призывают его и предвидят его торжество».

Ильин выступал в разных газетах как явный антикоммунист. Вначале немцы были довольны его работой, но вскоре они заметили, что многое, против чего выступал Ильин, также было против и национал-социализма в Германии. Тогда они стали придираться к его писательской деятельности, не разрешая печатать его труды, что очень отразилось на его материальном положении.

В 1938 году гестапо наложило арест на его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Лишившись источника к существованию, Иван Александрович решил покинуть Германию и переехать в Швейцарию, где он мог бы продолжать свою работу. И хотя на его выезд был наложен запрет Главным полицейским управлением, несколько счастливых случайностей (в чем Иван Александрович усматривал промысел Божий) помогли получить визу для него и его жены, и в июле 1938 года они официально «бежали» в Швейцарию.

Там они поселились в пригороде Цюриха Цолликоне. С помощью друзей и знакомых, в частности С. В. Рахманинова, в третий раз стал он заново налаживать свою жизнь. Швейцарские власти, однако, запретили ему заниматься политической деятельностью.

Ильин сосредоточивается на творческой работе и выступает с лекциями в протестантских общинах на разные темы, что дает ему небольшой заработок. «Владея прекрасно немецким языком, – вспоминает Е. Климов, – он обладал удивительным ораторским искусством, он привлекал всегда на свои доклады многочисленных слушателей».

Вершиной философско-художественной прозы Ильина является трехтомная серия книг, связанных единым внутренним содержанием и замыслом, на немецком языке: 1) «Я всматриваюсь в жизнь. Книга раздумий»; 2) «Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний»; 3) «Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований».

В русском варианте «Замирающее сердце» стало «Поющим сердцем». Это знаменательно, ибо «Поющее сердце» для Ильина было не просто названием, он считал, что «человек по существу своему живой, личный дух», и найти начало духовности нужно в самом себе; в его многозначном описании и определении дух понимается «как сила поющего сердца». Теперь будет понятно, как он сам справляется с этой задачей, – от «замирающего», «отзвучавшего», «притихшего» сердца к пробудившемуся, ожившему, поющему сердцу, что подтверждается намерениями (по замечанию католического священника из Бонна Вольфганга Офферманса, исследователя Ильина) автора: «Я, конкретно живущий здесь и теперь человек, должен поразмыслить и усмотреть, благодаря своему жизненному опыту, сущность свою: заново открыть в себе поющее на протяжении столетий сердце – средоточие моих чаяний и дум, в тихом созерцании получить представление о смысле жизни и ощутить задачи и упования свои перед Богом».

В Швейцарии Ильин не переставал думать и писать о России. С 1948 года регулярно направлял, правда, без подписи, листки бюллетеней (всего их было 215) для единомышленников РОВСа (потом они составили двухтомник «Наши задачи»).

К 1952 году закончил самое значительное свое произведение «Аксиомы религиозного опыта» – результат 33-летнего труда, изданного в Париже в двух томах в 1953 году.

Не успел он закончить главный труд своей жизни «О монархии», над которым работал 46 лет. Н. Полторацкий издал большую часть подготовленных глав из него в виде книги «О монархии и республике». Подготовил Ильин к изданию и «Путь к очевидности».

На закате дней своих Иван Александрович писал: «Мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю – одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам... И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь сбережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России».

Частые болезни изнурили его. 21 декабря 1954 года Ивана Александровича Ильина не стало. Его вдова и друзья сделали все, чтобы труды его увидели свет. Госпожа Барейсс поставила на его могиле в Цолликоне памятник с эпитафией:

*Все пережито,
Так много страданий.
Пред взором любви
Встают прегрешенья.
Постигнуто мало.
Тебе благодарность, вечное благо.*

Ильин был религиозным философом и принадлежал к той философской эпохе, которую принято называть русским религиозным ренессансом. Он шел своим собственным путем. Являясь православным философом, он сознательно не вторгался в область богословия, опасаясь впасть в еретический соблазн, всегда согласовывал свои религиозные построения с иерархами Русской православной церкви.

Через все эмигрантское творчество Ильина проходит одна тема – судьба России, ее национальное возрождение. Катастрофа 1917 года для Ильина – наиболее яркое проявление кризиса мировой культуры. Поэтому судьба России – часть мировой судьбы. То, что пишет Ильин о России и для России, приобретает вселенское значение.

«Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца... Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа».

*Статья подготовлена руководителем аппарата
Волгоградского регионального отделения
общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
А. А. Ландиной на основе материала, расположенного в сети Интернет по адресу:
www.bibliotekar.ru/filosofia/92.htm*

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ

Как уже отмечалось в предыдущих номерах нашего журнала, он издается не только для юристов, ученых-правоведов и других специалистов в области юриспруденции, но и для широкого круга читателей с целью повышения правовой культуры населения и преодоления правового нигилизма.

В данном разделе мы продолжаем публикацию книги А. Лопатиной и М. Скребцовой «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах».

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ

– Так, я вижу, у нас в классе новенький. Ты откуда? – спросил учитель математики, когда ребята расселись по местам.

– Это Ваня Смайликов из приюта, он спокойный, – отрапортовал Петька.

– Помолчи, Петр. Не будь в каждой бочке затычкой, – резко сказал учитель и попросил:

– Выйди к доске, Иван.

Ваня встал, покраснел и замялся:

– Да у меня математика не очень, пропусков много было.

– Ты выйди к доске, а я сам решу, что у тебя очень, а что не очень.

– Вот вредина, – прошептал Кант.

– Так, еще одно слово, и кто-то покинет класс, – рассердился учитель.

Кант хотел что-то добавить, но сдержался. Он решил помочь Ивану в случае чего.

– Ну, Иван, расскажи нам, что ты знаешь? – попросил учитель.

– В каком смысле? – замялся Ваня.

– В математическом, конечно, или ты хочешь нам спеть? – с усмешкой спросил учитель.

– Нет, – выдавил Ваня и покраснел.

– Хорошо, назови наименьшее натуральное число.

Ваня молчал.

– Единица! – сердито сказал учитель.

– За что? – ахнул Петька.

– Наименьшее натуральное число – это единица. Тебе, Петр, тоже не мешало бы знать.

– Ладно, еще один вопрос. Дай определение простого числа. Как называется результат сложения? Как определить площадь квадрата?

Вопросы учителя сыпались один за другим.

Ваня стоял красный как рак и молчал.

– Да ты, голубчик, умственно отсталый. Тебе надо в первый класс, а не в седьмой.
– Обзывать не имеете права! – крикнул Кант.
– Молчать! – закричал в ответ учитель и хлопнул указкой так, что класс вздрогнул.
И тогда Кант применил коронный прием – начал тихо мычать, не разжимая губ.

– Молчать! Тупица! Идиот! – разъярился учитель, и тут загудел весь класс.

– Всем единицы за сегодняшний урок! Вы у меня еще попляшете! Я вас заставлю учить математику как следует! Я вас в бараний рог согну! – взорвался педагог.

– Не согнете, руки короткие! – спокойно заметил Кант.

– Вон из класса! И чтобы я тебя больше здесь никогда не видел. Я не желаю учить тебя, Николай Авакумов, – закричал учитель так, что стены затряслись.

Ребята испуганно притихли, Аня Голубкина в ужасе закрыла лицо руками.

Кант молча собрал учебники, а потом достал из портфеля тетрадь и прочитал, изо всех сил стараясь говорить спокойно:

– Так у меня здесь все записано. Вы наши права нарушаете. Вот. Учащиеся имеют право на уважение человеческого достоинства. Я ухожу, потому что вы нас не уважаете.

Кант хотел выйти с эффектом, хлопнув дверью, но не успел. Перед самой дверью разъяренный учитель схватил его за курточку и закричал:

– Нет, ты не уйдешь просто так, голубчик. Ты пойдешь к директору, и мы тебя официально исключим из школы. По крайней мере, удалим с уроков математики.

Кант отчаянно сопротивлялся. Он ухватился одной рукой за косяк двери и пытался вырваться из рук учителя. И при этом тоже кричал:

– Не имеете права меня удалять. Мне бабушка Ирина говорила, что это в уставе школы написано. И еще в Конституции написано, что каждый имеет право на образование. Вам что, закон не писан?!

– Прежде, чем о правах говорить, научись свои обязанности свои выполнять, – прокричал учитель и вытащил мальчика в коридор. Когда Кант и учитель ушли, класс зашумел.

– Вот Канту сейчас достанется по первое число! – испуганно вскрикнул кто-то.

– Выкрутится, он свои права знает, – невозмутимо произнес Борька, жуя бутерброд.

– Тебя, Борька, только еда интересует. Мы должны помочь Канту! – воскликнула Катя.

– Да, я согласна, давайте пойдём к директору и расскажем, что учитель на нас кричит, – поддержала Аня Голубкина.

– Вот еще, а потом он мне оценку по математике снизит. У меня и так четверка с минусом, – фыркнула модница Наташка.

– Не ходи, если не хочешь, а мы пойдём, – заявил веснушчатый Антон.

Петька вскочил на парту и заорал:

– Вперед, к директору, за мной!

– Стойте! Стойте! – вдруг остановил всех Ваня Смайликов. Он все еще стоял у доски. – Дело не в этом. Дело в том, что Канта ищет мама. Я сам с ней разговаривал.

– Ты чего, балда!? У человека мать нашлась, а ты молчал! – изумился Сергей Журавлев.

– Откуда же я знал, что он Коля Авакумов? Вы все говорите Кант да Кант, я и не знал, что он Коля Авакумов, – растерянно ответил Иван.

– Тем более надо его выручать, – заметила Катя Красавина, и ребята гурьбой помчались по коридору, к директору. В классе остались только две модницы Настя и Наташа.

Вопросы

- *Какие права детей нарушил педагог математики?*
- *Почему педагоги часто не сдерживаются и кричат на учеников?*
- *Как должны поступать ученики, если на них кричат учителя?*
- *Как вы поступите, если при вас оскорбляют вашего друга?*
- *Расскажите о какой-либо ситуации в вашей жизни, когда вам казалось, что учитель не прав. Как вы поступили в данной ситуации?*
- *Что делать ученику, если его начали «прорабатывать» при всем классе?*

Например, ученик должен объяснить педагогу, что его оскорбляет такая беседа в присутствии других детей и попросить педагога провести беседу с ним без свидетелей. Если педагог не отреагировал на просьбу, ученик должен написать жалобу директору школы, своими словами изложив суть конфликта.

Письменная работа

Напишите письмо учителям с просьбой не кричать на учеников.

Сценка «Кто прав»

Дети делятся на группы. Один человек из группы играет роль ученика, другой – роль учителя. В сценке-диалоге учитель и ученик разыгрывают конфликтную ситуацию. Остальные члены группы должны рассказать, кто из них поступил правильно, а кто – нет, и объяснить, почему.

Примеры конфликтных ситуаций:

- *Ученик опоздал на урок. Учитель попросил его покинуть класс, а ученик отказался.*
- *Ученик не слушал объяснения учителя и не смог ответить на вопрос. Учитель на него накричал.*
- *Ученик не вышел к доске по просьбе учителя, и учитель поставил ему единицу. Ученик требует зачеркнуть несправедливую оценку.*
- *Ученик не выполнил домашнюю работу, и учитель оскорбил его. Ученик, в свою очередь, оскорбил учителя.*

В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА

Возле кабинета директора все притихли. Петька приложил ухо к замочной скважине.

– Ну что там, что!?! – спрашивали девочки.

– Директор говорит... – Петька поднял палец и важно сообщил: – Директор говорит, что, дескать, в законе об Образовании есть статья номер 50, пункт четыре, и там написано, что нас надо уважать, и публичные оскорбления наносят нам вред. Вот. Молодец мужик, наш директор!

После этого Петька снова прилип ухом к замочной скважине и шепотом передавал:

– Теперь Канта ругает, говорит, что никакая Конституция не поможет ему, если он не будет уважать учителей и выполнять обязанности ученика. Говорит, что Конституция позволяет свободно высказывать свое мнение, но не позволяет срывать уроки.

Но шепот Петьки не слышали те, кто стоял дальше.

– Чего он говорит? Не слышно! Пусть повторит, – напирала все больше задние. Дверь под этим напором распахнулась, и ребята кубарем ввалились в кабинет.

– Весьма оригинальный способ, ну садитесь, коль пришли, вернее сказать, влетели, – усмехнулся директор.

– Здравствуйте, Ярослав Матвеевич, здравствуйте, извините, – лепетали ребята, рассаживаясь на стулья.

– Да, извините, я не виноват, это они меня впихнули. Но мы все равно хотели прийти Канта защищать, – объявил Петька, поднимаясь с пола.

– А он нуждается в вашей защите? – поинтересовался директор.

– Мы еще хотели сказать, что математик всех нас ругает и обзывает по-всякому, – заявила Катя Красавина.

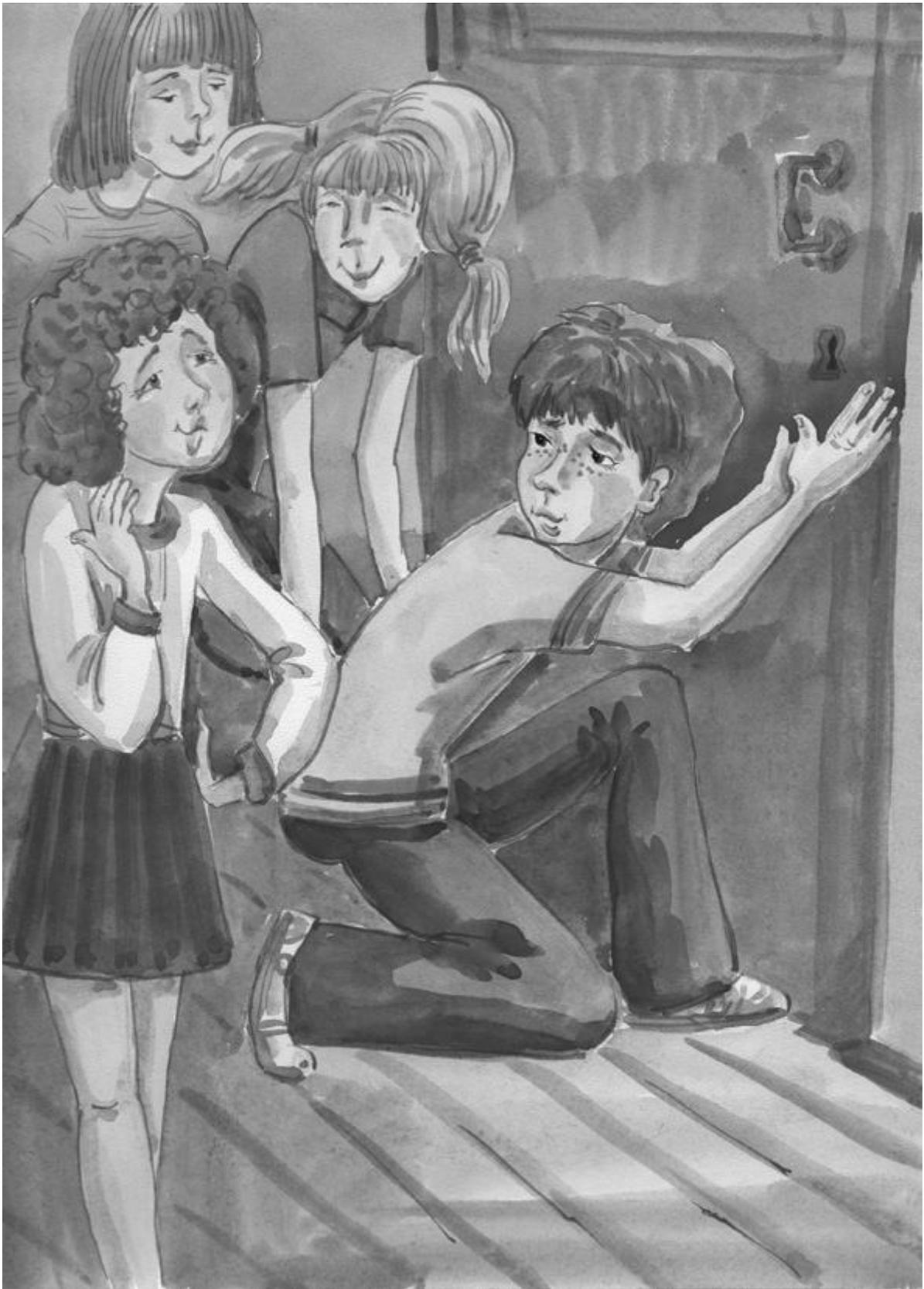
– Да, а вы говорили, что есть закон об образовании, в котором написано, что учеников надо уважать, а не наносить им вред руганью! – воскликнул Петька.

– И когда я это вам говорил? – с удивлением спросил директор.

– Ну, мы стояли рядом и слышали, – покраснел Петька.

– Да, математик не прав, он Ваню Смайликова унизил, и всех нас тоже, – заявил Сережка.

– Вы видите, на них нет никакой управы. Это не ученики, а черт знает что, детки в клетке, – покраснел математик.

– Я думаю, у меня здесь не клетка, и дети вполне нормальные, только немного растрепанные, – улыбнулся директор.

– Ну, знаете, тогда я отказываюсь преподавать. У вас в школе просто невозможные условия для учителей. Пусть эти дети учатся сами.

– Вас с работы еще пока никто не увольнял. Давайте соберем после уроков общее собрание вместе с классным руководителем и найдем выход из этой ситуации.

– Хорошо, только зря вы с ними цацкаетесь! – раздраженно заметил математик и вышел из кабинета.

Директор замолчал, и ребята молчали тоже, только Петька ерзал на своем стуле. Но тут зазвенел звонок, и директор словно очнулся.

– Да, добавляете вы мне хлопот, ребята. Советую до собрания подумать о конструктивных и позитивных предложениях исправления ситуации. Вы меня поняли, о конструктивных и позитивных, – повторил директор и добавил, – а теперь можете идти на урок.

По дороге в класс Ваня Смайликов остановил Канта и сказал:

– Постой, у меня к тебе разговор есть. Тебя ведь мама ищет.

– Чья мама? – удивился мальчик.

– Твоя родная мама, я ее в монастыре встретил, а она мне сказала: «Если увидишь Колю Авакумова, передай, что родная мама его ищет».

– Слу-у-шай, а чего ты раньше молчал? – от волнения Кант даже начал заикаться.

– Не знал я, что ты Коля Авакумов, думал, ты и вправду Кант, – объяснил Иван.

Глаза Канта затуманились на мгновение, а потом он хмыкнул, пожал плечами и пошел в класс.

– Ты чего, постой, тебя же мать ищет, – догнал его Ваня.

– Слушай, я, когда в приют попал, подумал: «Надо выпросить у директора адрес моей настоящей матери или прокрасться в кабинет и самому разузнать. Говорят, в наших документах все записано. Вот, думаю, узнаю адрес и напишу ей. Думал, думал и решил: «А зачем я буду ей писать, если она меня бросила? Значит, не нужен я, и писать нечего». Так что Колю Авакумова, может, кто и ищет, но только меня зовут Кант, и точка! – спокойно заявил мальчик и пошел прочь, насвистывая.

Ваня застыл на месте, не зная, что и думать. Кант обернулся:

– Смайлик, чего столбом стоишь, улыбнись, и пойдем над конструктивными предложениями думать. Помнишь, нам директор велел.

Вопросы

- Почему учитель математики считал, что его ученики – это «детки в клетке»?
- Кажется ли вам ваша школа клеткой?
- Как вам кажется, директор данной школы справедливый человек?

• Как вы думаете, кого должен защищать директор в данной конфликтной ситуации: педагога или учеников?

• Каким должен быть педагог, чтобы дети любили и уважали его предмет?

• Если вы не справляетесь с программой по какому-либо предмету, как вы поступаете?

• Если между вами и педагогом возникнет конфликт, к кому вы обратитесь за помощью?

Письменная работа

Представьте, что вы директор школы. Напишите правила общения учеников и учителей. Можно собрать все правила написанные детьми и составить общий свод правил общения, а затем предложить его учителям и ученикам.

Сценка «Обязанности ученика»

Дети делятся на группы. Один человек из группы играет роль директора, остальные – роль педагогов. В сценке педагоги жалуются на какого-либо ученика, который не выполняет свои обязанности, а директор должен посоветовать, как помочь ученику лучше выполнять свои обязанности.

Примеры ситуаций:

• Ученик ежедневно опаздывает на уроки, в том числе и после перемен.

• Ученик не выполняет домашние задания, не приносит тетради на урок.

• Ученик смешит детей на уроках своими репликами и мешает вести урок.

• Ученик требует ставить ему оценки выше, чем заслуживает.

ЮРИСТЫ ШУТЯТ

Адвокат утешает клиента, волнующегося в ожидании суда:

– Ваше дело простое, его легко выиграть. Меня самого как-то судили за наезд на пешехода, но оправдали.

– Еще бы. Ведь у вас был другой адвокат...

По требованию клиента о расшифровке счета на 100 тысяч долларов за оказанные юридические услуги один адвокат написал: 100 долларов – консультация, 500 долларов – участие в процессе, 400 долларов – издержки и расходы. 99 тысяч долларов – ночные думы о деле.

Юрист: Доктор, перед тем, как начать вскрытие, Вы проверили пульс?

Свидетель: Нет.

Юрист: Вы проверили кровяное давление?

Свидетель: Нет.

Юрист: Вы убедились, что нет дыхания?

Свидетель: Нет.

Юрист: Тогда возможно ли, что пациент был жив, когда Вы начали вскрытие?

Свидетель: Нет.

Юрист: Почему Вы так уверены, доктор?

Свидетель: Потому, что его мозги были в банке на моем письменном столе.

Юрист: Понятно... Но тем не менее – мог ли пациент еще быть жив?

Свидетель: Да. Возможно, что он был еще жив и даже практиковал в области юриспруденции.

Из протокола: «...при явке с повинной подозреваемый оказал ожесточенное сопротивление...»

Обвиняемый:

– Сказали, что у жены дома любовник, прибегаю – окно открыто, выглядываю, вижу – бежит, думаю – точно он. Хватаю тумбочку и кидаю в него...

Из показаний потерпевшего:

– Занимаюсь спортом, бегу. Вдруг откуда ни возьмись эта тумбочка...

Из показаний свидетеля:

– Сижу, я значит, в тумбочке...

Клиент просматривает счета, выставленные адвокатом:

– Что это значит: «Советы во время обеденного перерыва»?

– Неужели не помните? – удивляется адвокат. – Я тогда вам посоветовал заказать рыбное филе.

Судья входит в зал, чтобы начать слушание дела. В этот момент встает обвинитель и кричит адвокату защиты:

– Вы вор!

Адвокат кричит ему в ответ:

– А вы бессовестный человек!

Судья садится и спокойно объявляет:

– Итак, обе стороны уже представлены, и теперь можно приступить к процессу.

Сведения об авторах

Белоножкин А. Ю. – кандидат юридических наук, адвокат Волгоградского филиала Воронежской межтерриториальной коллегии адвокатов «Мейер, Яковлев и партнеры» (г. Волгоград), доцент кафедры философии и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет».

Бондаренко О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

Бондарь А. С. – аспирант кафедры уголовного права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский института экономики, социологии и права».

Забора С. М. – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Зыков Д. В. – соискатель кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», главный специалист-эксперт, государственный регистратор Управления Росреестра по Волгоградской области.

Кожемжарова Р. Т. – преподаватель кафедры правовых дисциплин ГОУ СПО «Волгоградский Технологический колледж».

Лосев В. В. – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Луговец В. Я. – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

Остапенко И. А. – государственный инспектор труда по правовым вопросам ГИТ по Волгоградской области, референт 3 класса государственной гражданской службы.

Саркисова М. А. – аспирант кафедры гражданского права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права», помощник мирового судьи судебных участков Краснооктябрьского района города Волгограда.

Цуглаева Н. В. – ассистент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВА	2
Белоножкин А. Ю. К вопросу о критике абсолютных гражданских правоотношений.....	2
Бондаренко О. А. Нормативный компонент конституционно-правовой политики в области реализации прав и свобод ребенка в Российской Федерации	8
Бондарь А. С. Некоторые аспекты уголовно-процессуального анализа стадии подготовки к судебному разбирательству в зарубежном законодательстве	13
Забора С. М. Проблемы судебного доказывания возмещения ущерба в авторском праве.....	18
Зыков Д. В. Что зовется юридической реальностью?.....	21
Кожемжарова Р. Т. Из истории правового образования в России в начале XX века.....	25
Лосев В. В. К вопросу о гражданско-правовом статусе банков в Российской Федерации	30
Луговец В. Я. Теоретико-правовое понимание «профессиональной ошибки» для целей страхования профессиональной ответственности	34
Остапенко И. А. Характеристика административного договоров как источника административного прав	41
Саркисова М. А. Роль судебной практики в нивелировании пробелов гражданского законодательства.....	47
Цуглаева Н. В. Гражданско-правовой оборот музейных предметов	52
ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ	55
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	60
ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ	62
ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ	69
ЮРИСТЫ ШУТЯТ	77
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	79

Директор издательства
Редактор
Технический редактор

М. О. Карриев
Е. Л. Берестова
Е. Л. Берестова

Подписано в печать 13.06.2013.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,76. Тираж 1000 экз. Заказ _____

Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Феникс».
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.